

A detailed illustration of a man in a dark blue trench coat, a matching fedora, a white shirt, and a blue patterned tie. He is holding a silver handgun in his right hand, which is visible at the bottom left. The background shows a hazy city street with buildings.

Н. СОБАКАРЬ

АГЕНТ
УГРОЗЫСКА

Наталья Собакарь

Агент угрозыска

«Автор»

2023

Собакаръ Н. С.

Агент угрозыска / Н. С. Собакаръ — «Автор», 2023

Сотрудники уголовного розыска думают, что Семен Карагач помогает им искать бандитов. Бандиты думают, что Семен ищет царское золото. Сестра его погибшей жены думает, что он ищет ее убийцу. Его новая любовь думает, что он помогает ей отомстить за смерть отца. Что думает сам бывший взломщик сейфов, а ныне агент уголовного розыска Семен Карагач, вы узнаете в конце этой истории. Москва, 1925 год. Это было время, когда угрозыск еще не переехал на Петровку, 38. Время НЭПа, когда делались и терялись состояния, когда бандитов в столице было больше, чем тех, кто их ловил. Время, когда выбор между добром и злом приходилось делать каждый день.

© Собакаръ Н. С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	18
ГЛАВА 5	22
ГЛАВА 6	26
ГЛАВА 7	31
ГЛАВА 8	35
ГЛАВА 9	40
ГЛАВА 10	44
ГЛАВА 11	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Наталья Собакарь

Агент угрозыска

ГЛАВА 1

Москва, апрель 1925 года

Прием по случаю дня рождения удался на славу, и хозяйка дома мадам Туманова колыхалась от счастья.

Важная подпись из Наркомфина передал блюдо с нарезанной бужениной сидящему рядом собственному обувному магазину. Мануфактурные ряды вели неспешную беседу с тремя булочными.

За ломящимся от закусок столом сидел цвет московской коммерции. Их жены обменивались последними новостями из мира столичной богемы и ревностно мерялись драгоценностями. Негромкий разговор сопровождался бодрим звоном ножей и вилок.

Сам именинник, Владимир Андреевич Туманов, которого жена ласково называла Вольдемаром, был мужчиной дородным и основательным. Дорогой костюм был сшит лучшим портным совсем недавно: растущее брюшко требовало регулярного обновления гардероба.

Туманов вытер рот салфеткой, и массивный перстень на его руке сверкнул, поймав блики роскошной хрустальной люстры.

– Я должен признать, господа, – сказал он, – что большевики оказались не такими уж страшными.

– Умный человек сможет устроиться при любой власти, – поддакнули мануфактурные ряды.

– Не соглашусь с вами, Петр Кузьмич, – возразил Туманов. – Умному человеку все же нужно безопасное поле и правила игры. Иначе это будет одна сплошная анархия, а мы это в семнадцатом году проходили, и больше не хотим.

– Власти новые, да привычки старые, – подал голос собственный обувной магазин. – Сунул, кому надо, и на тебе, выгодный контракт. Слышали, Куприянов получил на откуп всю мануфактуру для армии? – Все закивали. – Я не буду вам говорить, сколько он занес туда. – Большой палец указал на потолок.

– Особенно мне не говорите, – осклабилась важная подпись из Наркомфина. Дружный смех за столом показал, что шутку оценили.

Услужливая горничная плавно проскользнула в комнату с блюдом холодного осетра в руках. Она была одета в темное закрытое платье и белоснежный передник. Волосы были заплетены в косу, такую же тонкую, как и хозяйка. Водрузив блюдо в центр стола, она собрала опустевшие тарелки и неслышно удалилась.

– Ловка девица. – Дама в горжетке оценила работу. – Моя бы уже пару раз споткнулась, а по дороге на кухню еще и тарелку бы разбила.

– Хорошая прислуга редкость в наши дни, – согласилась Туманова.

– Не уступите?

– Разве что после отъезда. – Туманова лучилась от гордости. – Моего Вольдемара вот-вот должны назначить в торговое представительство в Париже.

– Ах, Париж! – отозвалась гостья напротив. – Как я вам завидую. Я бы все отдала, чтобы хоть на минуту вырваться из этой серой промозглой Москвы. Туда, в кутежи Монмартра, в огни кафешантанов!

– На что бы ты кутила там, Вавочка? – меланхолично заметил ее муж, отправляя кусок осетра в рот. – Советские рубли там не в почете.

– Нельзя быть таким циником, милый. Что бы я ни сказала, тебе непременно нужно вернуть меня с небес на землю.

– Я человек практического склада. Мне на земле привычнее.

Расстроенная мечтательница собиралась возразить, но Туманова не хотела портить день чужими семейными сценами.

– Таких здравомыслящих людей, как ваш муж, редко можно встретить, – дипломатично заметила она.

Вава скривила тонкие губы в некое подобие улыбки и, между упреками мужу и осетриной, выбрала последнее. Насытившись, она стала искать, во что бы еще вцепиться.

Ее взгляд остановился на молодом человеке лет, сидевшем рядом с хозяйкой. Худощавый, лет примерно двадцати, одетый в добротный, но потертый костюм, он выглядел бедным родственником, особенно на фоне увешанной драгоценностями мадам Тумановой.

– Кажется, я вас раньше не видела. – Вава взмахнула ресницами.

– Леопольд Дольников, сын моей приятельницы, – представила хозяйка. – Приехал из Риги.

– Не понимаю, зачем? – всплеснула руками Вава и капризно повела плечами. – Из Европы к нам?

– Лео – большой талант. Такому изумительному голосу тесно в маленькой стране. Согласитесь, одно дело быть первым тенором Балтики, и совсем другое петь в Большом театре.

Присутствующие закивали, заговорили о перспективах, концертах, европейской славе. Молодой тенор слушал, кивал, со всеми соглашался и ел, ел, ел. Уставленный яствами стол производил на него гипнотизирующее впечатление.

– Кладите осетрину, не стесняйтесь, – потчевал его хозяин. – Поди, в поездном буфете не было таких разносолов?

– Представьте, в поезде совсем не было буфета, – ответил Лео. Голос у него оказался приятно бархатистым.

– Нет буфета в поезде? Это неслыханно! – Вава снова всплеснула ручками. – Впрочем, неудивительно. Чего еще можно ожидать от этой варварской страны.

– Мы с другими пассажирами выходили в привокзальные буфеты, – продолжил Лео. – Очень недурственные.

– Не надо оправдываться, здесь все свои. – Вава через стол погладила его руку, вызвав гримасу недовольствия хозяйки. – Когда пересекаешь границу и въезжаешь в Большевизию, чувствуешь, как утекает воздух свободы, не так ли?

Лео Дольников лишь грустно улыбнулся в ответ. Он смотрел на этих одетых по последней моде людей и вспоминал, что больше всего его поразила одежда жителей Москвы: тулупы и вязаные кофты, завязанные крест-накрест на поясе пуховые платки, выцветшие гимнастерки и разношенные до раздолбанности ботинки и сапоги. Особенную жалость вызывали дети, эти укутанные с ног до головы шары в пальто на вырост с подвернутыми рукавами и подшитыми полами.

Тогда был конец марта, но холод был под стать февралю.

Потом потеплело и стало мокро. Ушли валенки, сменившись штиблетами и туфлями. Вместо шапок и платков появились аккуратные короткие стрижки, обрамляющие лица полные робкой весенней надежды. Они заполняли улицы, сопровождаемые цокотом копыт по булыжной мостовой, перемежавшимся звоном медленно ползущих трамваев. Прежде тихая и сонная Москва стала шумным городом.

Лео вспоминал поезд, где было холодно и сумрачно, постельное белье было сырым, а вода в умывальнике ледяной. Всю дорогу он не снимал пальто и шарф, поскольку боялся простудиться. Он постоянно смотрел в окно, боясь пропустить момент пересечения границы.

Сначала показалась будка латвийского пограничного поста, за ней виднелась арка с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Между ними лежала присыпанная снегом канава, которая и была границей. Рядом с аркой стоял солдат, одинокий и уставший, в длинной до пят шинели. На плече его висела винтовка с приткнутым к ней штыком.

– Стало быть, Латвия вам не приглянулась, – голос Туманова выдернул Лео из воспоминаний.

– Латвия очень милая страна, но очень маленькая. Там уже есть тенор. Ему едва хватает ангажементов.

– Да уж, двух теноров Латвии не прокормить. – Шутка владельца собственного обувного магазина пришлась гостям по вкусу.

Дребезжащий звонок был едва слышен в гостиной, но музыкальное ухо хозяйки его уловило.

– Даша, открой! – крикнула она в гулкую пустоту коридора. – Это должно быть Павел. Он обещал сюрприз.

– Какой Павел? – спросил ее муж. – Я не знаю никакого Павла.

– Из конторы канцтоваров или как там их называют. – Туманова понизила голос. – Мы специально его пригласили? Ты что, не помнишь?

– Ах, да-да, совершенно вылетело из головы. – Туманов промокнул рот салфеткой. – Разумеется, проси.

В комнату вошел щуплый мужчина с гладковыбритым подобострастным лицом из тех, что приглашают для развлечения публики. Гости едва скользнули глазами по костюму из магазина готового платья, и вернулись к своим разговорам.

– Очень рада вас видеть. – Туманова протянула ему обе руки, и гость прижал свои тонкие губы к каждой из них по очереди. – Прошу любить и жаловать, господа, Павел... Как вас по батюшке?

– Павел Дмитриевич Репин, к вашим услугам, – произнес он извиняющимся тоном, как если бы осознавал нелепость нахождения своей щуплой фигуры рядом с массивными телами остальных гостей.

– Да-да, – махнула Туманова рукой и смирila гостя тревожным взглядом. – Вы один?

– Нет, что вы, как можно. Я же обещал.

Павел сделал шаг назад и эффектным жестом фокусника протянул руку. В комнату вплыл букет роз, а вслед за ним роковое создание, одетое в нечто переливающееся и, судя по замечавшимся завистливым взглядам дам, сногсшибательно-модное.

За столом ахнули. Мужчины медленно поднялись. Туманов тоже хотел встать, но один неловкий взмах рукой – и пуговица на его рукаве запуталась в бахромке скатерти.

– Виктория! Боже мой! – зашелестели голоса. – Не может быть!

– Господа, прошу любить и жаловать, несравненная Виктория Лернер! – Голос Павла закончил представление на высокой ноте, как и подобает опытному конферансье.

– Ах, какой приятный сюрприз! – зашебетала Туманова.

– Дайте же, – сказала Виктория низким, неожиданным для такого хрупкого существа, голосом. – Дайте мне посмотреть на вас. – Ее пронзительные глаза в обрамлении густо накрашенных ресниц впились в массивное тело хозяйки. Гости, затаив дыхание, ждали окончания осмотра. – Вы сокровище. – Виктория вынесла свой вердикт, после чего вручила букет зардевшейся Тумановой. – Вы – редкая драгоценность. Ваш муж это знает?

Туманов, наконец, смог освободиться из объятий бахромы, встал из-за стола и поклонился:

– Уверяю вас.

Виктория подплыла к нему, жадно окинула взором, как если бы хотела проглотить целиком, обняла и поцеловала в лоб. – Берегите её.

– Прощу к столу, – повторила свое приглашение хозяйка, но Виктория направилась к роялю изломанной походкой.

– Шампанского, господа, – засуетился хозяин. – Налейте божественной Виктории шампанского.

Павел подхватил два искрящихся бокала и проследовал за ней к роялю. Виктория медленно стянула перчатки одну за другой, села за рояль и начала наигрывать мелодию популярного романса. Павел протянул шампанское своей спутнице. Она прервала мелодию, взяла бокал и, сделав глоток, поставила его на рояль.

Павел перехватил ее руку и задержал в своей. Его пальцы нежно гладили ее ладонь, в то время как взгляд его был прикован к перстню в форме бабочки.

– Интересная вещь. Изумруды редкой чистоты. Должно быть немалых денег стоит.

– Как это пошло все мерить на деньги. – Виктория отняла руку и ударила по клавишам. – Ах, зачем эта ночь так была хороша...

Пока она пела, собравшиеся с любопытством рассматривали диковинную гостью.

– Интересная женщина, – отметили мануфактурные ряды.

– С такой и в Париж не стыдно прокатиться, – согласилась сеть булочных.

– Говорят, она внебрачная дочь князя Голицына и какой-то француженки. Появилась в Москве месяца три назад. Эдакая Настасья Филипповна наших дней. Заполучить ее в дом совершенно невозможно. Завтра вся Москва будет говорить о нас.

Нина Павловна Туманова раздувалась от гордости, в глазах ее плескалось самодовольство. Она переводила взгляд с одного гостя на другого: оценили ли по достоинству высоту приема и изысканность общества.

Энтузиазм хозяйки несколько иссяк, когда глаза ее остановились на Лео. Мальчик ел взглядом гостью с тем же обожанием, что и осетрину. Туманова уже собралась попенять Лео на отсутствие хороших манер, когда ее грубо прервали.

Громкие фортепьянные аккорды заглушили шаги троих мужчин вошедших в комнату. Испуганный женский визг оборвал музыку. Эти трое отличались от остальных не только осанкой, покроем костюмов и манерам.

У них в руках были пистолеты.

– Ша! – выкрикнул тот, что стоял ближе к двери. Верхнюю часть его лица закрывал картуз, напыленный по самые глаза-щелочки, снизу оно было обрамлено клочковатой бородкой.

– Всем сидеть т-тихо! – сказал тот, что стоял в центре. Несмотря на прохладу апрельского вечера, он был без пальто. Френч и галифе мало шли к его приземистой фигуре, но, похоже, его это мало волновало. – Одно резкое движение – и пуля в лоб. Я п-понятно излагаю?

Люди за столом нервно закивали.

– Все из карманов на стол. Дамы снимайте ваши цапки. Джентльмены вам новые купят.

Пока заикающийся главарь держал гостей на мушке, его подручный в картузе достал из кармана холщовый мешок пошел к гостям. Жены нервно вынимали из ушей и снимали с шей и пальцев драгоценности. Их мужья клали перед собой золотые и серебряные портсигары и часы.

Лео Дольников сидел, не шелохнувшись. Он смотрел на бандита, который передвигался от одного гостя к другому, забирая добычу, и ждал своей очереди.

Вот сейчас человек с револьвером подойдет к нему, а ему нечего предложить грабителю. Ни денег, ни часов, ни золотых запонок. Тот наверняка не поверит, разозлится, направит на него ствол и...

Бандит не заметил тенора и сразу перешел к сидевшей рядом хозяйке квартиры. Следом за чувством облегчения поднялась волна негодования.

Что же это получается? Новый мир, который принесла революция, ничем не отличается от старого? Грабители видели, что у него нет средств, и потому не считали его за человека. Так ведь то же самое и при царе было. Зачем же тогда было переворот устраивать?

Тем временем второй грабитель сорвал плюшевое покрывало с комода и завернул в него меховые горжетки с плеч взволнованных дам. Туда же отправились шубы из передней и два серебряных подсвечника со стола.

Когда собиратель колец подошел к роялю, Павел безропотно положил ему в мешок свой кошелек. Он хотел добавить дешевую булавку для галстука, но грабитель отодвинул его плечом и протянул мешок Виктории. Там посмотрела на него с вызовом и не шелохнулась.

– Мадам, не напрягайте публику. – Главарь качнул пистолет в ее сторону.

Кольцо Виктории отправилось в мешок. Она взяла бокал. Человек с пистолетом направил ствол ей в лицо. Дерзко глядя ему в глаза, Виктория выпила шампанское до дна.

– Я вижу, мадам любит к-красивую жизнь. – Он повернулся к своим и негромко приказал. – Все, уходим.

Двое с мешками полными добычи направились к выходу. Последним, прикрывая их отход, шел главарь. Как только за ними хлопнула входная дверь, морок, наведенный налетчиками, спал, и гости шумно выдохнули.

– Воды! – кричала мадам Туманова. – Даша, подай воды!

– Даша, беги за городovým! – настаивал ее муж. – То есть, за милицией.

Все вскочили из-за стола, заметались. Кто-то, схватившись за сердце, упал на диван. Кто-то начал пересчитывать в уме потерянную сумму. Павел стоял у рояля, вцепившись в крышку побелевшими пальцами. Он тяжело дышал, и по лицу его катились крупные капли пота.

– Голубчик, что с вами? – Туманов подошел к нему и участливо заглянул в глаза. – Вам плохо? – Не дождавшись ответа, он повернулся к жене. – Где у нас сердечные капли?

– В шкафчике на кухне. Я сейчас принесу.

– Потерпите немного, – Туманов ободряюще погладил Павла по плечу. Затем он оглянулся вокруг и спросил:

– А где Виктория?

ГЛАВА 2

В зал ресторана «Аркадия» вошел молодой человек среднего роста, глазам которого не хватало беззаботности. Его звали Семен Карагач. Он был подтянут и передвигался той пружинящей походкой, которая выдает готовность сорваться с места в любую минуту. Лицо новый посетитель имел загорелое, необычное для апрельской Москвы. Когда он вытягивал шею, из ворота на поверхность выныривал белый шрам, по которому Карагач пробегался пальцами, и тут же снова прятал под воротник.

Вошедший оценил золотой блеск стен и зубов посетителей, изящество гобеленов и зеркала в массивных деревянных рамах. Бархатные шторы на окнах не позволяли голодным взглядам с улицы беспокоить чистую публику.

На эстраде расположился квартет музыкантов. Играли они негромко, ненавязчиво, позволяя разговорам за столиками идти своим чередом. Бесшумно летающие по залу официанты стремились предупредить малейшие желания гостей.

Смычок взлетел вверх и поставил точку в томном танго. Две страстные пары нехотя разомкнули объятия. Пожилой метрдотель заплодировал, сделав жидкие хлопки публики несколько гуще, после чего подошел к гостю и вопросительно приподнял брови:

– Чем могу служить?

Семен взглянул знатоку человеческих характеров в глаза.

– Сегодня мой первый день в столице. Я хочу почувствовать, что Москва мне рада.

Метрдотель поднял руку, и рядом с ним мгновенно возник долговязый официант с напомаженными волосами. – Яша, обслужи гостя.

Официант кивнул и жестом пригласил следовать за собой.

Кучность публики была лучшим свидетельством популярности места. Официант предложил гостю место за столиком рядом с колонной, предупредительно отодвинул стул и подал меню.

– Все ли устрицы и перепела скончались при царском режиме или что-то осталось? – осведомился Карагач.

– Увы. – Официант развел руками и надел на лицо скорбную мину.

– Давайте, Яша, договоримся так. – Карагач закрыл меню и вернул его официанту. – Я вижу, вы человек опытный, поэтому оставляю выбор блюд на ваше усмотрение. Если он мне понравится, вы будете иметь постоянного клиента. Если нет, мне будет больно каждый раз, когда я буду слышать слово «Аркадия».

– Понимаем-с. – С легким поклоном, Яша удалился.

Карагач постучал костяшками пальцев по побеленной колонне, уходящей в нарисованный на потолке небосвод с купидонами. Он ожидал звонкий деревянный звук, а получил глухой каменный. Удовлетворенно кивнув, он передвинул стул таким образом, чтобы его спина оказалась полностью прикрыта колонной, и принялся осматривать гостей.

За столиком слева сидели три эффектные дамы с горжетками на плечах. Их шелковые платья трещали под напором дородных тел, а остатки помады на губах смешивались с жиром котлет. Дамы вышли в свет в сопровождении тонкошеего юноши в клетчатом костюме. Судя по обрывкам фраз, он приходился племянником одной из них, что позволяло сохранять приличия и, в то же время, не препятствовало новым знакомствам.

Разумеется, дамы слышали о революции, освобождении женщины и прочих событиях, о которых писали в газетах. Но если все люди вашего круга считают, что ходить в ресторан без мужчины непристойно, то никакая революция этого не изменит.

За столиком справа гуляла солидная компания из четырех молчаливых мужчин. Одеты они были разномастно: один во френче, двое в пиджаках, еще один кутался в накинутый поверх

гимнастерки меховой жилет. Компания была полностью поглощена закусками и вела негромкий разговор.

Под взглядами этой четверки Семен почувствовал себя неудобно. Он еще раз передвинул стул, чтобы колонна скрыла его от их глаз. Что-то подсказывало ему, что не стоит нервировать этих людей, и уж тем более прислушиваться к их разговору.

Его опасения были напрасны. Шум музыки, развязные крики осоловевших от водки и еды гостей заглушали звуки в паре шагов, так что четверка могла спокойно обсуждать свои дела.

– Не обидит барыга-то? – поинтересовался тот, что пониже ростом, в чесучовом пиджаке.

– Не дрейфь, Митя, – ответил ему человек во френче. – Меня обидишь – долго не проживешь. Он это знает.

– Это, Вася, все знают, – кивнул тот, что в жилете, отправив в рот дрожащий кусок холодца.

– Я тут на малине краем уха слышал, будто деловые в белокаменную как мухи на мед повалили, – продолжил расспросы чесучовый пиджак. – С чего бы это?

– Тебе какая печаль? – спросил жилет, дожевав холодец.

– Такая, что нечего на наших жирных котов пасть разевать, – горячился тот. – Вон сегодня на Мясницкой чисто сработали, тепленькими взяли. Люблю когда так. Коли сюда стая голодных волков набегит да начнет потрошить без разбора, наши клиенты цапки свои по сейфам попрятчут. Нам оно надо?

– Митя дело говорит, – кивнул тот, что в жилете по имени Моня. – Конкуренция в торговле хороша, а в нашем деле надо свою территорию столбить.

– На камешки они побежали. Слышал я, что саквояж ювелира всплыл, – процедил Вася, подцепляя вилкой хрустящий лист соленой капусты.

– Которого ювелира? – оживился Митя. Лицо его озарилось широкой улыбкой, во рту сверкнул золотой зуб. – Неужто Шубникова?

– Его.

Вася кивнул на графин, и Митя быстро разлил его содержимое на четыре рюмки. Вася поднял свою:

– Чтобы дело спорилось.

Чокнулись. Выпили. Крякнули. Закусили.

– Что еще про саквояж слышно? – продолжал выпытывать Митя. Вася посмотрел на него взглядом, под которым Митя ушел в пол.

– Я за п-призраками не гоняюсь, – внушительно пояснил Вася. – Я на верные дела хожу с наводкой. Если тебе со мной с-сучно, так вали на все четыре стороны. Рабочий с-ствол я себе всегда найду.

– Да я ничего, так, спросить, – торопливо объяснил Митя. – Интересно же.

– Ему золотишка во рту мало, – объяснил молчавший до сих пор четвертый по прозвищу Череп. – Хочет прибавить.

Все засмеялись шутке, и громче всех Митя. Тонкие черты его лица складывались в плаксивое выражение. Борода, которую он начал отращивать для солидности, появлялась на свет клоками. Неуклюжесть его фигуры и нескладность речи были причиной несерьезного к нему отношения, что ранило его чувствительное сердце.

Официант Яша вернулся к столу Карагача через пару минут с запотевшим графинчиком водки и тарелкой маринованных огурцов. Он наполнил рюмку, подождал, пока гость выпьет, оценит, хрустнет огурцом, кивнет, и только после этого исчез. Карагач оценил деликатность и внимание к клиенту.

Вася опрокинул рюмку водки и с громким звуком поставил ее на стол – тот качнулся. Он поднял руку, призывая проходящего мимо Яшу. Тот мгновенно подлетел.

– Чего изволите?

Вася достал из кармана внушительную пачку денег, перетянутую резинкой.

– Сей момент. – Яша понял с полуслова.

Он взял пачку, нырнул под стол и подложил ее под ножку. Вынырнув обратно, он аккуратно подвигал стол – тот стоял твердо. Вася удовлетворенно кивнул и жестом отпустил официанта, который сбегал на кухню и вернулся к Карагачу с набором разносолов и тарелкой жареной свинины.

– Не желаете ли в компанию интеллигентную даму для разговора? – осведомился он.

– Яша, я устал от разговоров с интеллигентными дамами.

– Понимаю-с. Есть другие дамы. – У официанта в руке появилась визитка с напечатанным на ней адресом, которую он положил на стол. – Тут недалеко за углом. Скажете, что от Яши из «Аркадии».

– Я не настолько голоден. – Этими словами Карагач отправил Яшу на кухню, но визитку положил в карман.

В паузе, которую сделали музыканты, Карагач услышал легкий приятный смех. Он обернулся и увидел девушку, которую раньше не заметил из-за колонны. На вид ей было чуть больше двадцати. Скромное темное платье с белым воротником и брошью отличали ее от других женщин ресторана. Она могла быть секретаршей или машинисткой в какой-нибудь конторе, если бы не прямая спина и высоко поднятая голова. Эта явно была «из бывших».

Каштановые локоны струились вдоль ее лица. Пухлые губы складывались в маленький аккуратный ротик, в который она отправляла крохотные кусочки еды. Во взгляде, которым она скользила по залу, явно читалась скука.

Девушка сидела за столиком одна, но отодвинутый стул и смятая салфетка показывали, что где-то поблизости обретался ее спутник. Пока Карагач размышлял, не воспользоваться ли удачным моментом, чтобы завязать знакомство, на эстраду вышел конферансье:

– Дамы и господа, имею честь представить украшение сегодняшнего вечера. Несравненная Галатhea Огибальская!

Под бурные аплодисменты на сцену выплыла чувственная дама с легким налетом вульгарности обязательным для такого места и начала пританцовывать вместе со скрипкой:

– Купите бублики, гоните рубрики, купите бублики, да поскорей.

– И в ночь ненастную, – отозвались посетители, – меня несчастную, торговку частную, ты пожалей!

Весь ресторан в едином порыве подхватил слова популярной песни. Одни отбивали ритм ложками, другие притоптывали, третьи стучали по столу потными руками, отчего стаканы звенели в такт, подпрыгивая и расплескивая наливки. Бурные, желтые, малиновые пятна расплзались на скатертях, соединяясь в причудливый узор.

Девушка в черном платье отвернулась от эстрады: музыка явно была ей не по вкусу. В этот момент она заметила Семена, который разглядывал ее. Дернув плечиком, как бы защищаясь от непрошеного внимания, она отвела взгляд.

Когда она подняла глаза на Карагача, он поднял рюмку и слегка поклонился, показывая, что пьет в ее честь. Она улыбнулась и подняла бокал в ответ. Улыбка ее была светлой, чистой, почти детской.

Оба сделали по глотку.

Она поставила бокал на стол рядом с небольшой коробочкой из ювелирного магазина. На тонком среднем пальце девушки красовалось кольцо.

Карагач показал на свой палец и изобразил восторг – «красивое кольцо».

Девушка скривила губы – «если вы так считаете».

К ее столику направлялся господин с недовольным лицом. Он не был ни молод, ни хорош собой. Его сальные волосы и красное лицо свидетельствовали о пристрастии к жирной пище. На вид ему было не больше сорока, но его уже начинала мучить подагра.

Девушка снова дернула плечиком, как бы предупреждая Семена, что их молчаливый разговор окончен. Карагач показал на нее, затем на него и развел руками: «Вы с этим? Как?»

Она не успела ответить, когда ее спутник занял свое место за столом, и его широкая спина перекрыла обзор и прервала общение. Карагач с сожалением вернулся к холодцу.

ГЛАВА 3

В кожаной куртке с портупеей, как и полагается солидному представителю власти, Григорий Костанжогло прибыл на место преступления. Постовой у подъездной двери преградил ему путь и отодвинулся в сторону лишь после того, как Григорий показал ему значок сотрудника уголовного розыска.

Костанжогло поднялся на второй этаж и увидел высокого человека лет тридцати пяти, в полупальто, потертом пиджаке, галифе и сапогах. На его гладковыбритом лице лежала печать какого-то нескончаемого, почти детского любопытства. Когда он задавал вопрос, он смотрел на собеседника пытливым взглядом, как будто в его жизни не было ничего важнее, чем получить ответ.

Звали его Федор Шугарин, и в графе «место работы» у него значилось начальник опергруппы Московского управления уголовного розыска, или сокращенно МУУРа. Костанжогло застал его в тот момент, когда для Шугарина не было ничего важнее входной двери в квартиру.

– Федор Петрович, милицию вызвал дворник, – доложил он. – Видел троих, уехали на извозчике. Потом услышал шум из квартиры. Поднялся, а тут крики, слезы, валериановые капли. Хотел от потерпевших позвонить – у них есть телефон – да бандиты обрезали провод. Тогда он побежал на почту на Мясницкой и уже оттуда позвонил в угрозыск.

– Дверь, я тебе скажу, Григорий, хорошая. Можно даже сказать, основательная дверь. – Шугарин любовно провел пальцами по массивному дубу. – Такую плечом не вышибить, даже твоим.

– Не похоже, чтобы вышибали. – Костанжогло наклонился, чтобы рассмотреть. – Замок не тронут.

– Вот то-то и оно, что не тронут. Ладно, пойдем, посмотрим, что там Коля накопал.

В окружении дам и разносолов за столом сидел агент угрозыска Коля Евсеев. Он был вызывающе молод и непозволительно хорош собой. Дамы единодушно решили, что люди в потертых кожаных куртках и выцветших рубашках вряд ли поймут горечь потери меховой горжетки или перстня с рубином. А вот молодой человек в чесучовом пиджаке и кашне, да еще и в модных остроносых туфлях, знает цену хорошей вещи. Только непонятно, зачем человек с такими знаниями пошел работать в милицию.

Коля выслушивал пострадавших и старательно заносил в список украденное имущество.

– Граждане, не наседайте, – говорил Коля. – Всех перепишем, все учтем. Возьмите листы бумаги и изложите особые приметы ваших колечек и брошек. Если нарисуете, еще лучше будет.

– Вы хотите, чтобы мы в таком состоянии рисовали! – взывала Вава. – Меня сейчас хватит удар. – Она закрыла глаза и начала тереть виски.

– Может быть, воды? – предложил Коля. – Вдруг поможет.

– Мне бы помогли мои кольца и брошь! – зыркнула на него Вава. – Теперь придется целую вечность ждать, пока муж купит что-либо приличное. Не дай бог целый год придется голой ходить.

– Голой в смысле без одежды? – уточнил Коля.

Вава посмотрела на него холодным взглядом, в котором удачно сочетались жалость и презрение. – В некоторых кругах, молодой человек, лучше остаться без одежды, чем без бриллиантов. Впрочем, вам этого не понять.

– Где уж мне. – Коля обезоруживающе улыбнулся и положил перед ней лист бумаги и карандаш. – Попробуйте все-таки набросать. Такая артистическая женщина как вы наверняка неплохо рисует.

– Вы мне льстите, – смягчилась Вава, но карандаш взяла. – Впрочем, учитель рисования в гимназии меня хвалил.

– Я так и подумал. Рядом с рисунком напишите название вещи, примерную стоимость, если помните, а также место приобретения. Нам так будет легче искать.

– Я понятия не имею, сколько это все стоит! Я женщина и такими вещами не интересуюсь.

– Спросите у мужа.

Вава хотела объяснить Коле, что не все драгоценности, которые носят женщины, приобретаются их мужьями, но он уже перешел к другим потерпевшим. Раздав листы бумаги и карандаши, он пошел навстречу коллегам.

– Что врут очевидцы? – спросил его Шугарин.

– Вон та, в цветастой шали, хозяйка Нина Туманова, – показал Коля. – Рядом с ней в жилете Владимир Туманов, ее муж. Праздновали его день рождения. Вошли трое с пистолетами. Один держал на пушке, двое собирали вещи. Особых примет нет. Среднего роста, возраста, телосложения – словом, мрак.

– Коля, не тяни, – оборвал его Шугарин. – У тебя веселые глаза, значит, ты знаешь, кого нам искать.

– Тот, что держал ствол, начал с фразы «всем сидеть т-тихо».

Шугарин и Костанжогло переглянулись и хором вынесли вердикт:

– Вася Тишинский.

– Люблю работать, когда знаешь, кого ищешь, – сказал Шугарин. – Где он нынче обитает?

– Говорят, он с дамой сердца поссорился и с её малины съехал, – ответил Коля. – Где его теперь искать?

– Слава богу, в Москве не одна малина. Ты позвони дежурному по городу, дай ориентировку на Тишинского. И еще, узнай, не прибыл ли нужный нам человек из Ростова. – Коля кивнул и вышел. – Гриша, ты возьми на контроль этот кружок рисования. – Он кивнул на сидевших за столом гостей. – Я пока потолкую с хозяевами.

Шугарин попросил Тумановых пройти в соседнюю комнату. Предназначенная для чаепитий на английский лад, с низким столиком, окруженным диваном и креслами, комната была последним писком столичной моды.

Для интерьера был приглашен остромодный художник, который обтянул все, до чего дотянулся, полоской. Картины на стенах являли собой единство темы, представленное в многообразии стилей. Здесь были лошади всех мастей: реалистические, романтические, кубические, аполлонийские, мусажетовские, бубно-валетовские и прочие. Художник наслаждался безудержной симфонией искусства. Хозяйке дома очень нравилось, что лошадки подходят по цвету к обоям.

Нина Туманова без сил упала на полосатые подушки дивана. Ее муж опустил на стул.

– Кто обычно открывает дверь? – спросил Шугарин.

– Даша, наша домработница, – ответила Туманова.

– Где она?

– Побежала вам звонить.

– Нам позвонил дворник.

Тумановы переглянулись, и Шугарин почувствовал напряжение.

– Тут, видите ли, деликатный момент, – взял на себя объяснение муж. – У Даши есть небольшие проблемы с документами.

– Насколько небольшие?

– Её ограбили бандиты в поезде, – зачастила Туманова. – Ударили по голове, отобрали все вещи и деньги. Вы представить себе не можете, что она пережила.

– Почему же не могу? Очень даже могу. Я каждый день общаюсь с людьми, у которых отбирают вещи и деньги.

– Она потом долго лечилась, – продолжил муж. – Это все ужасно.

– Я не понимаю, куда смотрит милиция, – продолжила Туманова с надрывом. – В поездах грабители, в трамваях карманники, а теперь и в собственной квартире не скрыться. Порядочному человеку нет покоя!

– Это все очень прискорбно, но к делу отношения не имеет, – Шугарин прервал ее монолог. – Значит, горничная, которая открыла дверь грабителям, скрылась, потому что у нее нет документов, так?

– Выходит, что так, – нехотя согласился Туманов.

– Как же вы наняли ее на работу? – продолжал допытываться Шугарин.

– Она была такая несчастная, – жалобно проскрипела Туманова.

– И потом, у нее сохранилось рекомендательное письмо покойной жены московского градоначальника, – продолжил ее муж. – Знаете, в ней чувствовалась школа прислуги из хорошего дома: умение понимать, что хозяевам нужно, предупреждать их желания. Хорошо вышколенную прислугу нынче днем с огнем, как говорится.

– Вышколенную, значит, – кивнул Шугарин. – Другими словами, раз девушка без документов, то сунем управдому красненькую, чтобы не совался, а ей заплатим крохи. Пусть будет счастлива, что хоть крыша есть над головой. Будет ерепениться, сдадим в милицию.

– Как вы смеете! – взвился Туманов. – Я буду жаловаться.

– Да, пожалуйста, закон дает вам на это право.

Следующие десять минут Шугарин стойчески выдерживал крики хозяев. Он узнал, что Туманов очень важная фигура в Наркомфине и он не позволит непонятно кому так с собой обращаться.

Шугарин предложил еще раз показать свои документы, чтобы Тумановы перестали считать его непонятно кем и убедились, что он начальник опергруппы уголовного розыска при исполнении служебных обязанностей и имеет право задавать им вопросы во время расследования преступления, которое произошло в их квартире. Он также сказал, что может прямо сейчас перестать беспокоить хозяев и их гостей, а вместо этого вызвать их повестками в качестве свидетелей. Причем, повестки он может доставить каждому из них на рабочее место.

Туманов горячо заверил товарища начальника, что и он и его гости будут рады оказать всю посильную помощь следствию. В повестках не было нужны, особенно в тех, которые доставлялись прямо на рабочее место.

– Вы своих гостей хорошо знаете? – спросил Шугарин.

– Это всё очень порядочные люди, – категорически заявил Туманов.

Шугарин заметил взгляд хозяйки дома, брошенный в сторону. – Вы, я вижу, не согласны с мужем.

– Все гости бывали у нас много раз, кроме Павла, не помню его фамилию, который пришел с некоей Викторией Лернер. Может быть, вы слышали?

– А должен был?

– Она известная женщина.

– Чем же она известна?

– Она такая... эффектная женщина, – пояснил Туманов. – Из тех, что сразу привлекают внимание.

– Эффектная? – оживился Шугарин. – Интересно как. Покажите мне ее.

Он распахнул дверь в комнату, где гости сдавали Костанжогло свои рисунки. Тумановы оглядели присутствующих.

– Здесь ее нет, – заключила жена.

– Куда же она могла деться?

– Куда угодно, – махнула рукой Туманова. – Тут был настоящий сумасшедший дом. Все были на нервах, кричали так, что у меня голова разболелась.

– Расскажите мне о ней, – попросил Шугарин. – Что она делала, откуда куда выходила, словом, все, что помните.

– Она пришла с этим Павлом.

– Фамилию которого вы не помните, – сказал Шугарин, и оба утвердительно кивнули. – Тогда как же вы его пригласили? И зачем?

– Он работает в одной конторе, с которой у мужа дела. Мы пригласили его только потому, что он обещал привести Викторию. Иначе зачем он нужен?

– Значит, и он и она были в вашем доме впервые. Что они делали?

– Виктория сначала пела за роялем. У нее такой приятный чувственный голос, – сказал Туманов.

– Голос как голос, – поправила его жена. – Ничего особенного. Потом вошли эти бандиты и взяли ценности.

– К двери она не подходила?

– Какой двери?

– Входной.

– Зачем? – удивилась жена.

– Затем, что на вашей двери несколько замков и ни один из них не взломан, – пояснил Шугарин.

Муж и жена переглянулись.

– Вы что же, полагаете, что кто-то из наших гостей открыл дверь грабителям? – спросил Туманов.

– Я не исключаю такой возможности. У Виктории этой что-то взяли?

– Да, у нее было кольцо на пальце. Кажется, в виде бабочки. Я помню, еще хотел подойти поближе рассмотреть.

– С каких пор ты интересуешься кольцами? – прищурилась его жена.

– Твои намеки совершенно неуместны, дорогая. Ты же знаешь, что я люблю только тебя. – Он взял ее руку и поцеловал ее. Мадам Туманова немного оттаяла.

– Что было потом? – продолжил Шугарин.

– Все забегали, начался совершеннейший бедлам. Кажется, она вышла в эту комнату. Больше я ее не видел.

Шугарин огляделся. – Это что? – Он показал на тяжелые портьеры.

– Дверь в наш будуар.

– Разрешите полюбопытствовать?

– Да, конечно.

Шугарин отодвинул портьеры, аккуратно приоткрыл дверь, затем распахнул ее и вошел в комнату. Отсутствовал он не больше минуты.

– Окно настезь. Второй этаж, невысоко. Значит, говорите, эффектная женщина, – удовлетворенно заключил Шугарин. Он хотел что-то добавить, но его прервал Коля, который вбежал в квартиру с криком:

– Дежурный сообщил: Вася Тишинский гуляет в «Аркадии».

ГЛАВА 4

В фойе ресторана висел телефон. Он был скрыт от глаз праздной публики, и номер его был известен немногим. Почти всегда звонок означал неприятности.

Так было и на этот раз.

Повесив трубку, метрдотель взмахом руки подозвал Яшу-официанта и отправил того к столу, где четверо мужчин, они же банда Васи Тишинского, неторопливо поглощали ужин. Ресторан славился внимательным отношением к клиентам, особенно постоянным и состоятельным.

Яша подлетел к столу и, сложившись пополам, шепнул на ухо главарию. Тот кивнул и одним махом допил остатки водки. Промокнув губы салфеткой, он сделал знак достать деньги из-под ножки стола. Яша нырнул и протянул деньги в угодливом поклоне. В ответ Вася обвел рукой зал:

– Это за ущерб.

Яша кивнул и удалился. Все четверо встали из-за стола, и Вася скомандовал:

– Моня, музыку.

Блеклый блондин Моня выстрелил в потолок. Одни гости замерли, не донеся ложку до рта, другие привычно нырнули под столы. Женщины отреагировали дружным визгом. Три дамы весомых достоинств пытались уместиться под одним столом, при этом каждая обвиняла двух других в том, что они мнут и пачкают ее лучшую юбку.

Банда направилась в сторону кухни.

Официант Яша аккуратно собирал со столов хрустальные рюмки. В салфетке, которую он носил на левой руке, оказался подходящий по размеру карман, куда он и складывал добычу.

Шугарин, Коля, Костанжогло и еще трое агентов ворвались в зал. Они увидели бандитов у противоположной двери.

– Стоять! Уголовный розыск! – крикнул Шугарин.

Вася обернулся и выстрелил – пуля чиркнула по стене чуть выше голов преследователей. Шугарин ответил двумя выстрелами. Он целился по ногам убегающих, но промахнулся. Массивная колонна приняла в себя пули, чихнув каменной крошкой.

Посетители продолжали дрожать под столами. Сверху на них лилось рекой содержимое разбитых вдребезги графинов, падали осколки тарелок и остатки еды.

Семен Карагач продолжал ужин, как ни в чем ни бывало. Он подцепил вилкой маринованный гриб, отправил его в рот, прожевал, удовлетворенно кивнул и осведомился у официанта Яши, который сидел под соседним столом:

– И часто у вас так?

– Когда раз в месяц, когда два.

– Мне говорили, что в столице интересная жизнь, – восхитился Семен. – Но чтобы прямо так, с вокзала на шухер – мои аплодисменты.

Трое бандитов уже скрылись за дверью, когда Череп, шедший последним, начал беспорядочно палить во все стороны. Шугарин со товарищи были вынуждены залечь. Рядом с Карагачом взвизгнула пуля.

– Вот этого я не люблю, – сказал он, выхватил револьвер и одним выстрелом уложил стрелявшего. В зале стало тихо. Семен положил оружие рядом на стол и снова взял вилку. Такие отменные грибочки грех было оставлять.

В наступившей тишине агенты угрозыска вылезли из укрытий. Шугарин осмотрел всех. Кажется, никого не зацепило. Он осторожно приблизился к неподвижному телу, которое перекрывало проход на кухню. Вытащив у него из руки револьвер, Шугарин положил его себе в карман, после чего перевернул тело на спину.

Тонкая струйка свежей крови выползла изо рта стрелявшего, взгляд из живого становился стеклянным. Несколько хрипов отделяло его от вечной тишины. И вот они прозвучали.

– Этот точно из Васиной гоп-компании, – сказал подошедший Евсеев. – Черепом звали. Но по описанию на квартире Тумановых его не было.

– Его работа на козлах сидеть, по квартирам пусть другие рыщут, – сказал Костанжогло.

Шугарин подозвал одного из агентов, приданных им в помощь. – Мы дальше пойдем, а ты останься с телом. – Шугарин сделал широкий жест рукой с револьвером. – И успокой публику. Пусть заканчивают свои фрикасе.

В глубине зала Шугарин заметил странного посетителя, который как ни в чем ни бывало продолжал орудовать вилок. Либо тот настолько оголодал, что и стрельба не была ему помехой, либо настолько привык к этой самой стрельбе, что не считал ее причиной прерывать ужин. Интересный молодой человек, подумал Шугарин, выходя на кухню, надо бы поближе с ним познакомиться.

После ухода милиционеров, Карагач подошел к столику, под которым сидели девушка в черном платье с белым воротником и ее кавалер. Наклонившись, он подал ей руку и помог подняться. Она была такой тонкой и худой, что казалось, ничего не весила. На лице, обрамленном каштановыми кудрями, смеялись озорные глаза.

– Вас не задело, мадемуазель? – спросил Карагач.

– Право, не стоит беспокоиться, – ответила она.

– Что, черт возьми, происходит? – раздался недовольный голос из-под стола. Тучный мужчина пытался вылезти, но зацепившийся рукав пиджака мешал ему.

– В вашей жизни, месье, уже ничего, – ответил Карагач и поклонился к девушке. – Разрешите представиться, Семен Карагач. Прибыл из Ростова посмотреть столицу.

– Елизавета Ивановна Нестерова.

– Меня можно звать просто Семен. Как мне обращаться к вам?

– Елизавета Ивановна, а вы Семен...?

– Васильевич, – вздохнул Карагач, – если вы настаиваете на формальностях.

– Пока настаиваю, – вздернула носик Елизавета Ивановна. – Мы с вами едва знакомы.

– Мы были вместе под пулями. В приличных обществах это повод перейти на «ты».

Она окинула скептическим взглядом зал. – Вы называете это общество приличным?

– На безрыбье, – пожал плечами Карагач.

Тем временем перестрелка переместилась на улицу. Выбежав из ресторана, Вася, Митя и Моня помчались в просвет арки, чтобы выбежать на улицу и скрыться в вечерней толпе. Но две столкнувшиеся прямо перед выходом пролетки нарушили этот план.

Лошади ржали, обнюхивая друг друга. Извозчики матерились и каждый обвинял другого. Седоки сучали, выражали недовольство и давали непрошенные советы.

Троице грабителей ничего не оставалось, как вернуться во двор ресторана. Именно в этот момент на улицу вышли преследовавшие их милиционеры. Снова зазвучали выстрелы. Маузеры бандитов не считали патронов. Револьверы милиционеров огрызались в ответ. Преследователи были совсем рядом, но темнота давала преимущество убегавшим.

Шальная пуля чиркнула по стене снаружи, срикошетила в окно, и оно выплюнуло кусок стекла. Семен схватил девушку за талию и передвинул ее за колонну.

– Лучше вам пока постоять здесь, Елизавета Ивановна, – сказал он.

– И как долго?

– Тот факт, что вас совсем не смущает стрельба, смущает меня. У вас, должно быть, интересная биография. И что-то мне подсказывает, что в ней было много печали.

Его руки упирались в колонну по обе стороны от девушки, он прикрывал ее своим телом. Остальные гости по-прежнему сидели под столами, и оттого казалось, что они одни в огромном

зале. Его лицо было так близко, что она могла пересчитать веснушки у него на носу и потрогать шрам, выступающий из-под белоснежного воротника рубашки.

– Можете звать меня Лиза, – сказала она.

Разбитое окно превратило гулкие звуки выстрелов в резкие.

– Я бы остался с вами навсегда, Лиза, – сказал Карагач, пробуя на вкус ее имя, – но, к сожалению, я на работе.

Схватив со стола револьвер, Семен быстро добрался до подоконника и выглянул наружу. Когда его глаза немного привыкли к темноте, он увидел три фигуры, прятавшиеся во дворе. Они стояли за холодными шкафами для продуктов. Рядом высились штабели ящиков и лежали груды дров, укрытые навесом от дождя.

Бандиты медленно продвигались в сторону арки, поливая огнем преследователей. Те были вынуждены залечь у двери, рядом с дровами. Внезапно в арке появился просвет. Похоже, что, услышав выстрелы, извозчики предпочли ретироваться.

Семен высунул револьвер в окно и прицелился. Сзади послышался вскрик. Обернувшись, он наткнулся на взгляд полный ужаса дорожной певицы Галатеи, сидевшей под соседним столом. За ней виднелись музыканты, которые с некоторой скукой на лицах привычно ждали окончания перестрелки.

– Вам не дует? – спросил Семен певицу. Она вскрикнула и натянула на плечи шаль. Семен удовлетворенно кивнул и выстрелил в сторону арки. Тихий стон дал знать, что пуля достигла цели. Две фигуры вползли в арку, волоча за собой третью.

Семен открыл дверь на кухню ресторана, прошел мимо булькающих кастрюль на плите и брошенных досок с нарезанными овощами. Его путь лежал мимо двери с раздаточным окном, в котором виднелось испуганное лицо.

– Можно выдохнуть, господа, – сказал Семен. – Ваши лучшие клиенты покинули банкетный зал.

Спускаясь по лестнице, он услышал топот ног и крики, что все сгорело, переварилось и надо все начинать сначала. Похоже, этот вечер принес множество разочарований.

Спустившись на первый этаж, Семен аккуратно приоткрыл дверь во двор. Первым, кого он увидел, был Федор Шугарин, перезаряжавший револьвер. Из арки к нему подбежали запыхавшиеся подчиненные.

– Как сквозь землю провалились, Федор Петрович, – доложил Коля.

– Наверняка, пролетка их ждала, – добавил Костанжогло.

– Досадно, – сказал Шугарин и поставил заряженный барабан на место. – Там в зале еще один ствол звучал. Надо бы выяснить, кто стрелял.

Семен кашлянул, и все трое повернулись на звук. Перед ними стоял тот самый интересный брютет, который невозможно ужинал под пулями.

– Я стрелял. Но в свое оправдание хочу сказать, что они первые начали.

Шугарин ответил на его располагающую улыбку своей. – Добрый вечер. Позвольте документы.

– Тут темно, давайте завтра, – предложил Карагач. – Три ствола синхронно поднялись и направились на него. – Но можно и сегодня.

Медленно, чтобы не нервировать вооруженных людей, Семен вытянул из внутреннего кармана листок бумаги и протянул его Шугарину. Пока Евсеев и Костанжогло держали его на мушке, Шугарин поднес бумагу ближе к свету, падавшему из окна ресторана.

– «Мандат. Предъявитель сего сотрудник милиции города Ростова Карагач Семен Васильевич направляется в Москву для проведения совместной операции с Московским управлением уголовного розыска». – Шугарин свернул документ и положил его себе в карман. – Заждались мы вас, Семен Васильевич. Думали, что вы с вокзала прямо к нам. Но вы решили сначала в ресторан зайти.

– Может у них в Ростове голодно, – предположил с усмешкой Костанжогло.

– Не иначе, – согласился Шугарин. – И бандита знатно уложили, с одного выстрела. У нас к нему, правда, вопросы были, ну да чего уж теперь.

– Я из окна еще одного зацепил, – сказал Карагач.

Шугарин посмотрел на него с удивлением. – Это вы, Семен Васильевич, сейчас хвастаетесь?

– Нет, это я думаю вслух.

– И часто вы так делаете?

– Иногда. Вряд ли пролетка стояла рядом, и все же эти двое физкультурников, – он кивнул на Колю и Костанжогло, – их не догнали. С раненым у них так бы не получилось. Отсюда следует, что раненого они бросили.

– Посреди улицы?

– На улице холодно, – Семен игнорировал сарказм Костанжогло. – Зато в одной из квартир поблизости наверняка сухо и тепло.

Шугарин снова смерил оценивающим взглядом Семена. – Или я утомился, или товарищ Карагач дело говорит.

– Тут сплошные коммуналки, – недовольно буркнул Костанжогло. – До утра не управимся.

– Может, мы его в первой же найдем, – предположил Коля Евсеев.

– Не с моим счастьем, – ответил Григорий.

– Мне сказали, тут рядом бордель есть, – встрял Семен.

– Эта интересная информация нам зачем? – спросил Шугарин.

– Затем, что интересующий нас человек ранен. А вызов доктора в бордель дело привычное. – Семен широко улыбнулся. – Я начал этот вечер в ресторане, почему бы не продолжить его в борделе?

ГЛАВА 5

Пять комнат на втором этаже дома неподалеку от ресторана «Аркадия» начали свою жизнь квартирой профессора московского университета и продолжили домом свиданий. Приглушенный свет бра выхватывал из темноты обмылки лиц. Вытертый ковер на полу заглушал шаги и разговоры. Лишь одна комната сохранила прежний вид, вследствие чего гордо именовалась люксом и шла по двойному тарифу. Остальные были поделены на клетушки, в которых с трудом помещалась кровать.

У двери квартиры на кресле сидел крепкий мужик из тех, что за плату дрались на ярмарках то за одну, то за другую сторону. Лицо его было бесстрастно. Он оценивал людей лишь с точки зрения угрозы заведению; их моральные принципы его не касались.

Дверной звонок дал знать, что прибыл новый клиент. Бугай у двери поднялся с кресла. Владелица заведения, чье лицо и возраст невозможно было угадать под толстым слоем румян и пудры, подошла и приоткрыла дверь на цепочку.

Она почувствовала запах водки и увидела раскрасневшееся лицо, развязанный галстук и расстегнутую сорочку, из-под которой выглядывал шрам.

– Добрый вечер, мадам, – язык Карагача заплетался. – Яша из «Аркадии» рекомендовал мне ваше место.

– Заходите, прошу вас. – Мадам сняла цепочку и гостеприимно распахнула дверь. Карагач сделал шаг внутрь, после чего резко отодвинул ее в сторону.

– Что вы себе позволяете? – вскинулась мадам. Страж у двери уже был готов опустить кувалду своего кулака на голову гостя, но вид трех вооруженных людей остановил его. Шугарин, Евсеев и Костанжогло вошли в квартиру вслед за Семеном.

– Как вы смеете! – визжала мадам. – Немедленно покиньте мой дом!

Шугарин показал ей удостоверение. Увидев слова «уголовный розыск», она отступила, прикрыла густо намаженный рот и сложила руки на груди. В глазах её под напускным безразличием проглядывала тревога.

– Что вам угодно? – прошипела хозяйка.

За ближайшей дверью женский голос вскрикнул от боли. Не раздумывая, Шугарин распахнул дверь.

Почти все пространство занимала огромная кровать, на которой лежала молодая девушка, почти девочка. Ее кружевная сорочка была разорвана, правый глаз заплаыл. На левом предплечье кровоточил порез, под которым виднелись следы пальцев от жесткого хвата пятерней.

Доктор, молодая женщина в гимнастерке и черной юбке, легкими деликатными движениями обрабатывала края раны. Рядом на кровати лежал саквояж с медицинскими инструментами, а на столике рядом стояла керосиновая лампа.

Первое, что увидел Шугарин, когда перевел взгляд на доктора, был изгиб тонкой шеи между воротом гимнастерки и копной коротко стриженных волос. Кожа была светлая и почти прозрачная.

Доктор обернулась на вошедшего мужчину, увидела у того в руках револьвер, подняла глаза и выразительно посмотрела. Шугарин смутился и убрал оружие. Доктор вернулась к пациентке.

– Потерпи, милая. Немного осталось, – сказала она, продолжая обрабатывать рану. Голос у нее был низкий, ровный, утешающий.

– Кто ее так? – спросил Шугарин.

– Он на кухне.

– Не стоит волноваться. Ничего страшного не случилось, – закудаhtала впорхнувшая хозяйка, заглядывая Шугарину в глаза. – Девочке повезло, лицо почти не задето, так что работать сможет. Клиент все оплатит.

Карагач заглянул в комнату из коридора. В темноте он не разглядел доктора, сидевшую спиной к нему, но разбитое лицо девушки ему было видно хорошо.

– Оплатит, говорите? – рявкнул Семен. – Тогда я пойду, выпишу счет,

Доктор обернулась на голос, как если бы хотела что-то сказать, но он уже ушел.

– Шугарин моя фамилия, начальник опергруппы уголовного розыска, – представился Федор.

– Врач Фельтинская.

– А по имени-отчеству?

– Ольга Павловна.

– Вы, Ольга Павловна, часто тут бываете?

– Когда вызывают.

– Часто вызывают?

– Когда нужен врач.

– Интересно получается, Ольга Павловна. Вроде и на вопрос отвечаете, и в то же время ничего не говорите. Бойтесь без работы остаться?

– Пока люди друг друга калечат, это мне не грозит, – сухо ответила Фельтинская.

– Вас сюда только к этой пациентке вызвали?

– Да.

– Никого другого вы не лечили сегодня?

– Здесь нет.

– А где лечили?

– В Екатерининской больнице на Страстном, где я работаю. Я полторы смены отдежурила, так что на любезности с вами у меня сил нет. Мне просто хочется спать.

Из коридора подошли Евсеев и Костанжогло.

– Осмотрите квартиру, – распорядился Шугарин. – Возьмите хозяйку, пусть все двери откроет, проверьте кладовки, шкафы. На черную лестницу не забудьте зайти, а если дверь на чердак имеется, так и там полюбопытствуйте. Я пока тут посижу.

Когда подчиненные ушли, Шугарин осторожно присел на краешек кровати.

– Чем это он вас так? – спросил он девушку, кивая на рану.

– Кольцом, – всхлипнула она.

– Заявление писать будете? – спросил он.

– Зачем?

– Посидит пару месяцев в тюрьме, подумает.

– Что я, с ума сошла? – резко ответила девушка. – Ни в какую тюрьму он не пойдет, откупится, как пить дать. Мне из-за него без работы оставаться? Куда я пойду? У меня дочка маленькая. Вы что ли ее кормить будете?

Федор хотел сказать этой девочке, что не обязательно зарабатывать на жизнь в кроватях пьяных эппманов. Что можно пойти на курсы и получить хорошую рабочую профессию, а потом пойти на рабфак и подготовиться к поступлению в институт. Что, несмотря на то, что с окончания войны прошло лишь четыре года, есть другая жизнь. Что ей бы очень пошел звонкий смех, и стайка подруг с книгами в руках, и хороший парень, провожающий ее домой.

Он наткнулся на взгляд доктора, который говорил, что эти или похожие слова уже были произнесены, но ничего не изменили.

– Раз уж вы все равно здесь, поддержите лампу, – попросила доктор. – Мне надо рану зашить.

Шугарин сел на кровать, и Фельтинская передала ему лампу, попросив держать ближе к ране. Когда она достала иглу, девушка испугалась.

– Вы туда не смотрите, – сказал ей Шугарин. – Вы на меня смотрите. – Девушка уткнулась взглядом ему в грудь. – Волосы у вас хорошо пахнут. Гардения, вроде.

– Она, ой! – крикнула девушка, когда доктор уколола рану.

– На меня, на меня, – вернул ее Шугарин. – Бабушка моя, царство ей небесное, тоже гарденией голову мыла. Я маленький был, спрашивал, зачем, в том смысле, от чего она помогает. Она говорила: «Не всё бог создал для пользы. Есть и просто так, для счастья».

– Мне говорили – ой! – она для густоты помогает.

– Это тоже может быть. Вы отвар делаете или так настаиваете?

– Так настаиваю. Отвар меньше пахнет – ой!

– И настоем споласкиваете?

– Я в рукомойник его заливаю пополам с водой и голову под него сую.

– В рукомойник? – переспросил Шугарин. – Интересно как. Бабушка просто из ковшика поливала. Вы не смотрите туда, доктор уже почти зашила. Стежки какие у вас аккуратные, прямо загляденье. Сразу видна женская рука.

– У меня рука доктора. – В голосе Фельтинской слышались нотки раздражения.

– Доктора тоже разные бывают. Мне вот ногу кое-как зашили, шрам кривой остался. А вас рука легкая, совсем незаметно будет.

Фельтинская завязала последний узелок и отрезала ножницами нитку.

– Вот и все, – сказала она. – Осталось только забинтовать. Давайте я лампу на столик поставлю, – предложила она Шугарину. – Вы, наверное, устали держать.

– Нет-нет, вы бинтуйте, я подожду. – Не отрываясь, смотрел как пальцы доктора укладывали петли бинта одну за другой. – Ловко вы.

– Много практики.

– Это да, это я понимаю. Куда лучше, когда у женщины много практики с бинтом, чем, скажем, с наганом.

– Не одобряете эмансипацию? – прищурилась Фельтинская.

– Когда как. Женщины, они ведь очень впечатлительные. Мужчине, чтобы до крайности дойти, серьезные причины нужны. Женщина может на крайность пойти только затем, чтобы доказать, что она не слабее.

Фельтинская закончила перевязку и начала складывать инструменты в свой саквояж.

– Вы не думали, что если женщина берет в руки наган, у нее есть на это причины?

– Это да, – кивнул Шугарин, – без причин такое не случается. Года три назад у нас банда была, грабили нагло, а поймать мы их долго не могли.

– Плохо работаете?

– Бывает, что и плохо. Мы же люди, можем ошибаться. Но все больше потому, что свидетелей они не оставляли. В одном доме пять человек положили, двоим и десяти лет не было. – Он помолчал. – Так вот банда эта целиком состояла из женщин. У каждой из них была своя причина взять в руки наган. Они детей убивали из-за денег, так что, вы простите великодушно, но мне до их причин дела нет.

Тем временем, на кухне рядом со столом, заваленным графинами, рюмками и остатками еды, сидел грузный краснолицый мужчина. Его тягучий взгляд скользил по недавно выбеленным стенам, по грудам немытой посуды, кастрюлям и тряпкам. Вокруг него хлопотала прислуга, сухая старушка в темном платке.

– Это вы, уважаемый, девушку ударили? – осведомился Карагач.

– Ты кто? – спросил клиент, с трудом ворочая языком.

– Представитель равнодушной общественности.

– Кто?

– За что ударил, спрашиваю?

– Девка эта сама виновата. Делай, что говорят, чего ерепениться-то. Дрянь подзаборная, а туда же: этого не буду, мы так не договаривались. – Клиент оперся на стол, поднялся и дыхнул Карагачу в лицо коньяком. – Я плачу, понимаешь, я ей деньги плачу. Она меня уважать должна. Если каждая шалава будет...

Карагач прервал его речь ударом под дых. Он сложил неудовлетворенного клиента пополам, после чего протащил его по коридору и прислонил к стене у выхода.

– Этого мы забираем с собой? – спросил он у выходящего из комнаты Шугарина и получил в ответ утвердительный кивок.

– За что? – прохрипел клиент.

Карагач повернулся к Коле:

– Коля, вот вы человек, следящий за модой. Это видно по бровям. Посмотрите, что на нем надето. Как можно носить фланелевые брюки с этим убогим пиджаком?

– Так и запишем, – сказал Коля, – несоответствие светлому облику строителя коммунизма.

– Я его и не строю, – возмутился клиент.

– Вот вам еще одна статья.

Из комнаты с саквояжем в руках вышла врач. Она увидела Карагача и впервые за весь вечер улыбнулась.

– Здравствуй, Семен, – сказала она.

– Здравствуй, Оля.

Они смотрели друг на друга со странной смесью радости и робости, как смотрят люди после долгих лет разлуки, когда не знают, как себя вести. Бросаться на шею – слишком пылко, пожимать руку – слишком холодно.

– Я думала, ты в Ростове.

– Я тут по делам.

– Надолго?

– Как получится.

– Я в больнице на Страстном работаю. Живу на Петровке, но чаще ночью на работе. Заходи по старой памяти.

Взгляд ее невольно скользнул вниз на шрам на его шее. Он заметил и застегнулся.

Шугарин внимательно слушал их диалог, когда к нему подошел Костанжогло и покачал головой.

– Похоже, что сегодня ничего интересного у вас нет, – подвел итог Шугарин. – До свидания, мадам.

– Нет уж, прощайте, – категорично отрезала владелица заведения. – Свиданий с вами мне не нужно.

Коля вывел из квартиры спотыкающегося клиента, следом вышли Костанжогло и Карагач. Шедший последним Шугарин внезапно остановился и, окинув оценивающим взглядом массивный гардероб у двери, произнес:

– Позвольте полюбопытствовать напоследок.

Он жестом попросил бугая-вышибалу встать. Тот обменялся тревожным взглядом с хозяйкой, и нехотя покинул свой пост. Шугарин отодвинул стул и распахнул створки.

Там он нашел то, что искал: раненого бандита, сжимавшего окровавленную ногу.

ГЛАВА 6

Отражаясь от золота церковных куполов, лучи утреннего солнца падали на озабоченные лица прохожих. Среди тех, кто спешил на работу апрельским утром, был и Семен Карагач.

Пройдя по Тверской улице, он свернул в Большой Гнезниковский переулок, где в доме под номером три располагалось Московское управление уголовного розыска. В отличие от вчерашнего вечера, когда он был одет, чтобы выделиться, сегодняшние темные брюки и пиджак, одетый на гимнастерку, помогали ему сливаться с толпой.

Предъявив дежурному документы, он получил временный пропуск. Поднявшись на второй этаж и постучав в дверь, на которой висела табличка «Отдельная особая группа по борьбе с бандитизмом. Тов. Шугарин Ф.П.», Карагач услышал приглашение войти.

Комната была небольшая, на три стола, с окном забранном решеткой. Внимание Семена привлек сейф в углу. Массивный, но несложный, подумал он, и усмехнулся воспоминаниям.

За столом покрытым зеленым сукном сидел Федор Шугарин, а напротив расположился пойманный вчера бандит, на губах которого застыла презрительная ухмылка. Время от времени он потирая ногу: в прорези штанины виднелся свежий бинт. На стуле, позади и чуть правее, сидел Коля Евсеев, который не сводил с задержанного глаз.

– Не опоздал? – спросил вошедший Карагач.

– Не пропустил ничего интересного, – ответил Шугарин.

Карагач достал из кармана пачку чая. – Заварим?

– Хорошо бы. – Коля взял протянутую пачку и принялся. – Настоящий, не морковный. Где взял?

– Товарищи на дорогу дали. Привет вам от Ростовской милиции.

Шугарин недовольно поморщился:

– Мы, товарищ Карагач, в данный момент заняты работой. Идет допрос подследственного.

– Ему бы тоже не помешало, вон бледный какой.

Просящий взгляд Коли смягчил сердце Шугарина. Он вздохнул и достал из ящика стола железные кружки. Сбегав в столовую за кипятком, Коля наполнил кружки и поставил одну из них перед подследственным. Тот принялся, сглотнул слюну, и гордо произнес:

– Моня Швидлер с ментами не пьет.

– Какие высокие моральные принципы при нашей бедности, – начал было Карагач, но под суровым взглядом Шугарина умолк. Взяв кружку, он устроился за соседним столом рядом с Колей.

– Продолжим беседу. – Шугарин взял перо и макнул его в чернильницу. – Подтверждаете ли вы, гражданин Швидлер, участие в налете на квартиру Тумановых, который имел место вчера около пяти вечера?

– Ничего не подтверждаю. Ни в чем не участвовал. – Моня отодвинул кружку.

– Занести это в протокол?

– Пиши, что хочешь, начальник. Я все равно ничего подписывать не буду.

– По закону вы имеете такое право, – сказал Шугарин. Эти слова он произносил с каким-то особенным удовольствием. – Теперь я прошу вас внимательно посмотреть на товарища Карагача. – Шугарин указал на Семена, который со скукой в лице наблюдал допрос. – Вы его раньше видели?

– Вчера в «Аркадии». Тоже сидел за соседним столом.

– Совершенно верно, – кивнул Шугарин. – Известно ли вам, почему товарищ Карагач оказался в «Аркадии»?

– Я почему знаю? Может, случайно зашел, – пожал плечами Моня.

– Случайно – это вы, Швидлер, зайдете на нары. Товарищ Карагач у нас специалист по раскрытию особо тяжких преступлений. В «Аркадии» он был, потому что следил за вами. Видел, как вы на дело шли, где вас извозчик ждал, куда вы потом поехали товар сбросить. И когда вы сели за стол, чтобы отпраздновать удачное ограбление, товарищ Карагач позвонил нам.

Недоверчивый взгляд Мони метался между спокойными глазами Шугарина и насмешливым взглядом Карагача.

– Так что в вашем признании, подследственный, нет нужды, – продолжил Шугарин. – У нас есть уважаемый свидетель, который все видел и записал. Ведь так, товарищ Карагач, вы все подробно записали? – Шугарин выжидающе посмотрел на Карагача.

– Ага, – соображал на ходу Карагач. – Как положено.

Он пошарил по карманам и достал небольшую книжку в клеенчатом переплете, после чего подошел и передал ее Шугарину. Пока бандит нервно смотрел как Шугарин листает блокнот, Карагач взял свой стул и поставил его рядом с Мониным.

– Первым ведь ты пальнул, – сказал он.

– Кто, я?

– Да, ты.

– Так ваши же стрелять начали. Ну и мы в ответ.

– Вот это неправда. Федор Петрович еще в зал не вошел, а ты уже в потолок палил. Мне ты можешь не заливать, я же своими глазами видел.

– Мне Вася приказал. Давай, говорит, музыку.

– Чтобы паника в зале началась, и вы под шумок смылись?

– Вроде того.

– А что, план хороший.

– Главное, простой, – добавил Шугарин. – Кто на квартиру навел?

– Не знаю. Мамой клянусь, не знаю! Это все Васькины дела. Он адрес до последнего в секрете держит.

– Если бы мне такое недоверие выразили, мне было бы обидно, – сказал Шугарин.

– Это как в душу наплевать, – подхватил Карагач.

– У Васи год назад кореш был, вместе в Питере работали, – пояснил Моня. – Утром как на дело идти они разругались вдрызг. Кореш подельников набрал и квартиру днем обчистил. Вечером Вася пришел, а там уже уголовка хлопчет. Еле ноги унес. С тех пор он мнительный.

Моня пододвинул к себе кружку с горячим чаем и стал жадно глотать. Шугарин глубокомысленно листал чистые страницы блокнота.

– Так, ага, про это ты тоже рассказал. Вещи где?

– Барыге одному скинули на Трубной площади.

– Адрес?

– Темно было. Переулок там справа, не то второй, не то третий дом по левой стороне. Там еще у входа одноногий татарин сидит на лавке, обувь чинит.

Шугарин посмотрел на Колю, который поднял руку с тремя пальцами: место было ему знакомо.

– Все правильно, – сказал Шугарин, показывая на блокнот. – Третий дом.

– Что мне теперь будет, начальник? – жалобно заскулил Моня.

– Что обычно бывает за налет? Думаю, что тюрьма.

– За помощь скостить же должны?

– С какой стати? – поинтересовался Карагач. – В чем твоя помощь? Кивнуть, что так и было? Нет, ты расскажи что-нибудь, чего мы не знаем.

Моня сделал еще глоток и поставил кружку на стол.

– К Ваське недавно залетные приходили, – сказал он. – Не то из Ревеля, не то из Риги, не разобрал. Говорили тихо.

– Чего хотели? – спросил Шугарин.

– Ювелиров пощипать. Звали в дело. Слышали, что крупный куш появился в Москве. Такой, что раз в жизни бывает.

– Что за куш? – Карагач подвинулся ближе.

– Это я не знаю, только залетные говорили, что скоро все фартовые ребята России сюда слетятся.

– Как выглядел тот, с которым Вася разговаривал? – спросил Шугарин.

– Блондин, в коверкотовом пальто. На нэпмана похож.

– Как он представился? От кого пришел?

– Этого не знаю, но человек солидный. Вася к нему с полным доверием.

– Кого они собирались щипать первым? – Видя, как Мотя колеблется, Карагач добавил, – не тушуйся, Моня. Сказал А, говори Б.

– Слышал, базарили про ювелирный Федотова в Столешниковом переулке. Я особо-то не прислушивался. В нашем деле меньше знаешь – дольше живешь.

Отправить Моню Швидлера в камеру и вызвать машину было делом двух минут. Еще через пятнадцать они добрались до двери ювелирного магазина в Столешниковом, на которой висела табличка «закрыто». Золотые буквы на черном фоне вкупе с толщиной решеток на окнах означали солидность заведения.

Пока Шугарин стучал в дверь, Карагач присел на корточки, и, приложив ладони к вискам, всматривался внутрь.

– Заснули они там что ли? – продолжал колотить Шугарин.

– Федор Петрович, не тратьте силы.

Карагач указал на прилавок, из-за которого торчала безжизненная мужская рука.

– Успели уже, – вздохнул Шугарин. – Григорий, – обратился он к Костанжогло, – тут отделение милиции через три дома. Дойди, позвони нашим, пусть вышлют эксперта и машину за трупами. Мы снаружи подождем.

Внешне магазин был не тронут. Даже размещенные на витринах украшения остались на месте. Нападавшие знали, что самое ценное было в задних комнатах. Горка пустых черных бархатных поддонов, брошенных на пол, свидетельствовала, что пришли они не зря.

Двое санитаров вынесли на носилках накрытый простыней труп. Из дальней комнаты вышел Костанжогло:

– Там еще один. Ножом в сердце.

Шугарин прошел с ним в дальнюю комнату, служившую кабинетом для приема особо важных посетителей. В кресле сидел мужчина средних лет с холеной бородкой и длинными наманикюренными ногтями. Его стеклянные глаза уставились в потолок. Жесткий белоснежный воротничок и галстук подпирали голову, не давая ей свеситься на грудь. Сюртук был разрезан в районе сердца. Крови вытекло немного, и она была почти не видна на темной ткани.

– Это что же получается? – размышлял Шугарин вслух. – Магазин грабят, а он сидит за столом и в ус не дует.

– Стены толстые, – подал голос Костанжогло. – Если тихо вошли да быстро положили приказчика, мог ничего не слышать.

– Это да, это конечно, – пробормотал под нос Шугарин. Взгляд его скользнул по полу. – Это что такое? – Он ткнул пальцем в отпечаток ботинка возле двери. – Хороший отпечаток. Надо снять. Ты осторожнее, смотри не порушь.

– Федор Петрович, простите, это я наследил, – пояснил Костанжогло виноватым голосом. – Когда в отделение бегал в лужу наступил. У них прямо перед порогом.

Шугарин укоризненно покачал головой, но ничего не сказал. Покрасневшее лицо Григория и потупленный взгляд свидетельствовали, что вину он осознает.

– Скажи фотографу, чтобы поторапливался, – распорядился Шугарин.

Костанжогло торопливо кивнул и пошел на улицу. В распахнутую дверь кабинета хотел войти Карагач, но его остановил грозный рык Шугарина:

– Вы, товарищ Карагач, куда собрались?

– У вас труп. Мне интересно.

– У нас тут следы еще не обработали. Вон там проявляйте свой интерес. – Шугарин кивнул на прилавок.

– Мне везде интересно, – охотно отозвался Карагач. – Я в ювелирные магазины не хожу.

– По причине отсутствия денег? – спросил Коля Евсеев.

– Это тоже хорошая причина, но не главная. Ювелирные магазины – наше семейное проклятие. – Карагач сел на стул и закинув ногу на ногу. – Первый раз, когда мой папа купил кольцо, чтобы сделать предложение моей маме, это кольцо вытащили из кармана еще на выходе из магазина. Второй раз мой папа заказал у Карла Фаберже браслет к десятилетию свадьбы. И надо же так случиться, что в этот самый момент ювелирный пришли работать мадам Софа Грушевская и её гоп-компания. Софа попросила маму снять браслет. Папа предложил ей забрать все деньги, но оставить браслет. Софа наставила на папу пистолет. Тогда моя мама, добрая тихая женщина, пообещала, что перегрызет Софе горло прямо здесь, не отходя от кассы, если она тронет папу. Софа была женщиной практичного склада и взяла деньги.

– Хорошая история, – сказал Шугарин. – Прямо за душу берет. Родители-то живы?

– Если бы, – сказал Карагач.

Он встал со стула и, заложив руки за спину, начал прогуливаться вдоль окон, выглядывая наружу, пока внезапно не остановился.

– Федор Петрович, не хотите вон те следы сфотографировать?

– Какие? – подошел Шугарин.

Со стороны улицы у витрины виднелись следы ботинок, как если бы кто-то стоял снаружи и пристально вглядывался внутрь. Шугарин рассмотрел следы, но не выказал особого интереса.

– Следы как следы. Может, кто на стреме стоял.

– Для дозорного уж больно место неподходящее. Если бы я этот магазин брал, я бы вон на том углу человека поставил. – Он показал рукой на перекресток шагах в тридцати от магазина. – Оттуда улица в обе стороны просматривается и еще переулок виден. И потом, на стреме наружу смотрят, головой вертят, а этот как приклеенный стоял, даже с ноги на ногу не переминался.

– Это откуда известно?

Карагач махнул рукой, приглашая следовать за ним на улицу. Они обошли магазин и присели на корточки у витрины с наружной стороны. Следы были хорошо видны на горке песка.

– Видите, как резко отпечатались? – Карагач показал на четкий контур. – Видно, что встал и не вертелся.

– Похоже, – согласился Шугарин. – Стало быть, есть у нас свидетель. Только где его искать?

– Есть тут у вас место, где беспризорники ночуют?

– Ближайшее будет на Ильинке у котлов, в которых асфальт варят.

– Вот там и будем искать нашего свидетеля.

Шугарин покосился на отпечаток. – Ботинки-то большого размера. Почему вы, Семен Васильевич, на пацана подумали?

– Смотрите, как близко следы расположены, – указал Карагач. – Вы, Федор Петрович, попробуйте встать также.

Шугарин поставил ноги рядом и вопросительно посмотрел на собеседника.

– Пойдите минут пять. Я покурю пока. – Карагач достал железный портсигар в виде приплюснутого цилиндра и снял крышку. – Утощайтесь.

– Спасибо, не балуюсь. Долго мне стоять?

– Минуты не прошло. Что вы нервничаете?

– Так неудобно же.

– Это потому, что взрослый мужчина ставит ноги на ширину плеч. Наш свидетель их тоже поставил. Да только плечи у него аккурат в половину ваших будут. И еще вот на это обратите внимание. – Он показал на полоску на правом следе рядом с каблуком. – Подошва у этого свидетеля либо веревкой, либо проволокой подвязана. Отец или мать к сапожнику бы отнесли. Три-четыре гвоздя и порядок. Да, видно, некому нести.

Шугарин вернулся в магазин, а Карагач остался снаружи докуривать папиросу.

Когда в дальней комнате эксперт закончил фотографировать мертвое тело с разных ракурсов и двое санитаров унесли его, Костанжогло обнаружил под стулом кусок плотного картона. Это была фотография, добротная, еще дореволюционная, сделанная в южном ателье, щедром на пыльные пальмы и фикусы. Взгляд Григория равнодушно скользнул по пяти фигурам и задержался на шестой. Осторожно, чтобы не привлекать внимания остальных, Костанжогло поманил пальцем Шугарина, и, когда тот подошел, показал ему находку.

Двумя рядами белоснежных зубов с фотографии улыбался сотрудник ростовской милиции Семен Васильевич Карагач.

ГЛАВА 7

Первым в кабинет вошли Шугарин и Коля Евсеев, за ними Карагач. Замыкавший Костанжогло громко хлопнул дверью. Это стало сигналом, по которому двое первых развернулись и нацелили револьверы на Семена. Тот от неожиданности сделал шаг назад – в спину ему вонзился ствол Костанжогло.

- Руки, – сказал Шугарин.
- Случилось чего? – спросил Карагач, поднимая руки вверх.
- Григорий, обыщи его, – приказал Шугарин. – Только нежно.
- Не первый раз.
- Вот эта фраза настораживает, – заметил Карагач.

Семен смотрел, как один револьвер переходит из его кармана в руки Коли и как второй покидает сшитую на заказ незаметную снаружи кобуру на лодыжке. Костанжогло закончил обыск и заключил:

- Чисто.
- Проходите, Семен Васильевич, присаживайтесь. – Шугарин указал на стул, на котором утром сидел Моня.
- Мне, стало быть, с этой стороны стола? – уточнил Карагач. – Не сразу к стенке. И на том спасибо.

Молчание затягивалось. Обычно люди, сидящие на стуле перед Шугариным, начинали нервничать после пары минут, но Карагач был спокоен.

- У нас к вам несколько вопросов, Семен Васильевич, – начал Шугарин.
- Слушаю вас, Федор Петрович. – Карагач поддержал официальный тон.
- Ваше поведение наводит на мысль, что вы хорошо знакомы с криминальным миром.
- Вы сюда тоже попали не из пансиона благородных девиц.
- Меня прислали как сознательного рабочего на помощь милиции, – пояснил Шугарин. – Я в типографии раньше работал, книги набирал. – Он кивнул на Евсеева. – Коля пришел заменить старшего брата. Его бандиты застрелили. Григорий до революции счетоводом был.
- Вы меня о чем-то спросить хотели? – прервал его Карагач. – Так спрашивайте. Ваши героические биографии мне интересны, но не сейчас.

Шугарин достал фотографию.

– Во время осмотра места происшествия в ювелирном магазине «Федотов и сыновья» была найдена вот эта фотография. Мы бы хотели получить ваши пояснения.

Шугарин протянул ему фото. Карагач взгляделся, и бесстрастная маска на его лице сменилась ностальгическим умилением.

– Сколько лет, сколько зим, – протянул он. – Откуда у вас? Можно мне будет потом копию сделать на память? А то моя такая же сгорела.

- То есть, вы подтверждаете, что на этой фотографии вы? – напрягся Шугарин.
- Зачем отрицать? Вы посмотрите, как я здесь убийственно красив.
- Когда был сделан снимок?
- В мае шестнадцатого года, в Ялте. – Карагач мечтательно возвел глаза к потолку. – Какой это был город! С соленым воздухом, с теплым ветром, с пьянящим запахом акаций.
- Кто остальные люди на снимке? – продолжал допытываться Шугарин.

Взгляд Семена заскользил по лицам.

– Как в той старой песне «нас было пятеро фартовых ребяташек». Вам всех перечислить или только тех, кто еще жив?

– Давайте слева направо, – предложил Шугарин.

Евсеев и Костанжогло подошли к столу. Карагач пробежал пальцами по фотографии как пианист по клавиатуре и ткнул в высокого брюнета, стоявшего крайним слева.

– Митя Артист, человек уважаемый, можно даже сказать знаменитый. Вы спросите, чем он известен? Многим, но особенную славу ему принесло дело в купеческом клубе на Малой Дмитровке. Там собрались почтенные люди на большую карточную игру. Митя и его друзья, лучшие щипачи этого города, связали швейцаров, надели ливреи и обслуживали столы, пока шел ужин. Когда почтенные люди приступили к картам и достали деньги, то увидели, что они у всех фальшивые. Митя подменил настоящие купюры на свои красивые картинки. Высокий класс работы. Скандал раздувать не стали. Для деловых людей репутация дороже. Последнее, что я о нем слышал, стигнул в гражданскую где-то под Харьковом.

Палец Карагача переместился на пару солидных мужчин в светлых костюмах и соломенных шляпах.

– Дальше стоят Иван Красавин и Степан Дмитрук, медвежатники. Работали на Волге. Подламывали сейфы в Самаре, Костроме, Саратове. Люди тихие, молчаливые, с большим презрением к убийцам. Очень уважали Митю за изящный отъем денег без ущерба для здоровья клиента. Степан помер года два назад, сердце не выдержало. Сами понимаете, работа нервная, к тому же по ночам. Красавин, я слышал, отошел от дел, но консультирует.

– Где живет? – спросил Шугарин.

– Не интересуюсь, – ответил Карагач.

– Боишься на старое потянет? – засмеялся Костанжогло.

– Право попрекать меня старым имеют очень немногие, – сухо отрезал Карагач, – и вы, Григорий, к числу этих людей не относитесь.

– Ты полегче! – Руки Костанжогло сложились в кулаки. – Если морда слишком широкая, так ее и сузить недолго.

– Это всегда успеется, – охолонул его Шугарин. – Продолжайте, Семен Васильевич.

– Дальше стоит Николай Горохов, он же Коля-Два ствола. Это, граждане, типичный пример того, как женщина может погубить мужчину. Сам Коля был сыном мелкого приказчика, зато влюбилась в него студентка Высших женских курсов. Стал он водить ее по ресторанам и казино. Где он брал деньги, спросите вы? В папашинной кассе, где же еще. Потом Коля сбежал из дома, собрал ватагу лихих ребят и стал грабить магазины. Дамочка оказалась азартной, научилась стрелять и ходила с ним на дело. С одной стороны, закончили оба у стенки: расстреляли их в Петрограде в семнадцатом. С другой, жили они счастливо и умерли в один день.

– Трогательная история, – кивнул Шугарин. – Дальше стоите вы.

– Дальше стою я, красивый и гордый от того, что рядом с такими уважаемыми людьми. И не знаю, что пройдет всего три дня, и жизнь моя круто повернет.

– Тоже женщина? – осторожно спросил Шугарин, и по тому, как Карагач пронзил его глазами, понял, что попал в точку. – Часом, не та доктор, что мы вчера видели?

– Ее сестра.

– Ах, сестра, – выдохнул Шугарин, как будто сбросил тяжелую ношу с плеч. Он даже внезапно повеселел.

Карагач положил фотографию на стол и посмотрел Шугарину прямо в глаза:

– Что я делал до того, как ее встретил, про то знает начальник ростовской милиции. Он мне грехи отпустил. Крови на мне нет. Остальное не ваше дело.

– Вы сами завязали или та женщина за вас решила? – спросил Шугарин.

– Сказала, выбирай, либо я, либо воровская жизнь. Сам бы я ни за что от такой шикарной компании не отстал. Стал жить счастливым честным человеком. Жаль, недолго получилось.

Федор указал на стоявшего последним молодого мужчину в сером костюме. – Почему у этого крайнего в шляпе лица почти не видно?

– Потому что Виктор Белецкий не любит фотографироваться.

– Белецкий?! – заволновался Шугарин.

– Сам Белецкий? – Коля навалился на стол, чтобы лучше рассмотреть человека на снимке. Тень Григория нависла с другой стороны.

Худошавый человек на фотографии стоял, несколько сгорбившись. Тонкие пальцы его рук сжимали набалдашник трости. Шляпа на голове была надвинута так, что закрывала почти всю верхнюю половину лица. Тонкие губы были искажены в некоем подобии улыбки.

– Белецкий оказался тогда в нашей компании случайно, – сказал Карагач. – Он презирает уголовный сброд.

– Раз так, шел бы да гулял с чистой публикой, – сказал Костанжогло.

– Чистая публика Белецкого отторгла. Выгнали его из коммерческого училища за махинации.

– Из коммерческого за махинации? – не поверил Коля. – Это как из кабаре за канкан.

– Да, но это очень обидело Белецкого. Потом он собрал банду, начал грабить поезда. В двадцатом их разбили, но ему с двумя подручными удалось уйти. Говорили, что подался в Ригу. С тех пор о нем ничего не слышно.

– По нашим сведениям, он вернулся в Москву, – сказал Шугарин. – Потому мы и попросили ростовских товарищей прислать человека, знающего его в лицо.

– Вот вам и прислали. – Карагач встал со стула. – Я с вами играть не буду. У меня к Белецкому свой счет, неоплаченный. – Рука Семена невольно потянулась к горлу. Усилием воли он вернул ее на место. – Верите мне – будем искать Белецкого вместе, нет – найду и без вас.

Шугарин посмотрел долгим, изучающим взглядом на Семена, после чего дал знак Коле. Тот положил на стол конфискованные револьверы. Семен кивнул и вернул их на прежние места.

– Теперь давайте думать, зачем человек, который убил управляющего ювелирным магазином, принес эту фотографию, – сказал Шугарин после того, как все расселись вокруг его стола. – Потерять он ее мог и случайно, а вот принес намеренно. Зачем? У кого какие мысли?

– Он хотел, чтобы управляющий опознал кого-то, – предположил Коля.

– Я уверен, что тот, кто носил с собой эту фотографию, тоже искал Белецкого, – добавил Карагач.

– Белецкий на фото не один, – возразил ему Костанжогло. – Может, ему нужен Митя этот, чтобы фальшивых денег нарисовать. Или тот медвежатник, что на покой ушел. А может он вообще искал тебя.

– Меня? – удивился Карагач. – Чего меня искать? Вот он я.

Раздался стук в дверь, и в кабинет вошли двое агентов угрозыска, из тех, что вчера были в ресторане. В руках одного был чемодан, у второго тук с вещами.

– Вещи с ограбления квартиры Тумановых, – доложил старший.

– Быстро управились, – удивился Шугарин.

– Хозяин не особо артачился. Сразу выдал. – Они положили чемодан и тук на стол, и старший достал листок из папки. – Здесь опись найденных вещей.

– Давай мне, – протянул руку Коля. – Сравню со своим, который потерпевшие продиктовали. – Старший отдал ему листок и достал бланк.

– Распишитесь, что доставлено, – попросил он.

Получив закорючку Шугарина, визитеры ушли. Резкий зуммер телефона прервал продолжившиеся дебаты. Шугарин снял трубку.

– Хорошо, Иван Николаевич, сейчас буду. – Разговор оказался коротким. – Меня начальство вызывает. Коля, Гриша, пройдите по спискам, проверьте все ли вещи на месте. – Он повернулся к Карагачу. – Вы, Семен Васильевич, пока подумайте, у кого еще могла быть такая фотография.

– Мы все еще на вы?

– Не надо спешить. Мы едва знакомы.

После ухода начальника Костанжогло развязал узел с мехами, и горжетки лениво растянулись на столе. Карагач откинул крышку чемодана, внутри которого лежали подсвечники и туго набитый холщовый мешок. Коля сел за стол, положив перед собой с одной стороны свой блокнот, в который он заносил показания свидетелей, с другой принесенный список.

Карагач вынул из чемодана два подсвечника и поставил на стол.

– Два серебряных подсвечника. – Коля поставил галочки в обоих списках.

– Горжетка из чернобурки, – сказал Костанжогло, любуясь искрящимся в солнечном свете мехом.

– Должно быть две, – указал ему Коля.

Григорий порывлся в меховой куче и нашел еще одну. Удовлетворенный Коля сделал отметки в списках. Карагач развязал холщовый мешок, который достал из чемодана и заглянул внутрь.

– Богатый улов, – оценил он. – Я всегда знал, что москвичи неплохо живут.

– Что там? – спросил Коля.

– То, что среди моих старых знакомых именуется рыжевьем, а в протоколе будет записано как ювелирные изделия.

Коля снял со стола чемодан и расстелил газету:

– Давай сюда.

Карагач высыпал на бумагу содержимое мешка. Ворох часов, браслетов, колец всевозможных сортов и размеров. Коля пробежал глазами по списку:

– Давайте теперь наоборот. Я называть буду, а вы ищите. Часы карманные Павел Буре.

– Есть такие. – Костанжогло отложил в сторону золотые карманные часы.

– Перстень с рубином квадратный.

– Имеется. – Костанжогло выудил из кучи перстень.

– Кулон с аметистом, – продолжил Коля.

– Вот он, – Григорий достал кулон и повертел в руках. – Бразильский аметист. – Он покосился на Семена, который стоял и, не мигая, смотрел на россыпь драгоценностей. – Чего застрял?

– Задумался, – очнулся Карагач. – Что там дальше?

– Браслет с двумя изумрудами, – продолжил читать список Коля.

– Вот он. – Карагач отложил в сторону браслет. – Я выйду на минуту. Чего-то живот прихватило. Где тут у вас удобства?

– До конца коридора и направо, – подсказал Костанжогло, и Карагач вышел.

– Кольцо золотое с надписью внутри «любовь навеки», – продолжил Коля.

– На месте любовь, – нашел Костанжогло.

– Перстень с сапфирами и изумрудами в виде бабочки, – прочитал Коля в списке конфискованных вещей и посмотрел в свой блокнот. – Странно, в описи конфискованного у барыги есть, а у меня нет. Вещь ценная. Почему же не заявили о пропаже?

Костанжогло задумался:

– Слушай, Коля, а не загадочной ли женщины Виктории Лернер это колечко?

– Той, что сбежала до приезда милиции?

– Да, ее. – Костанжогло разгреб руками кучу. – Что-то его тут нет.

– Как нет? – встревожился Коля. – Когда Семен мешок опрокинул, я ту бабочку своими глазами видел.

Переглянувшись, Коля и Григорий одновременно уставились на дверь, в которую минуту назад вышел Семен Карагач.

ГЛАВА 8

Пивная «Встреча» на Петровке была местом бойким. Хотя грубо сколоченные деревянные столы и такие же стулья были слишком просты для взыскательной публики, но пол был посыпан опилками, которые радушно принимали в себя литры пролитого липкого пива, после чего сметались и заменялись свежими.

Мутный свет выхватывал из темноты тусклые лица. Их движения были медлительны, глазам требовалось усилие, чтобы опознать собеседника. Здесь было много бывших людей, тех, чей мир поделился на до революции и после. И все, что после, причиняло им невыносимую боль.

Они приходили в пивную, чтобы перекинуться парой слов с такими же обломками старого мира, чтобы посмеяться над потугами новых властей, над их самоуверенной попыткой управлять огромной страной, над убогостью новых контор, которые унаследовали весь набор бюрократических проволочек старых.

Воистину легче построить новый мир, чем найти в него новых людей.

Большинство гостей заведения были одеты в поношенные пальто и тужурки, перешитые из шинелей. Семен Карагач в своем пиджаке с шарфом на шее выглядел настоящим франтом. Он пробежался скучающим взглядом по залу, пока не заметил в углу пожилого господина, который протирал пенсне. У него был вид человека, пришедшего сюда не для удовольствия, а по делу.

Семен взял кружку пива и подсел за его столик:

– Здорово, Папаша. Товар берешь по-прежнему или завязал?

Пожилой господин водрузил пенсне на нос, оглядел молодого нахала и спокойным голосом ответил:

– Молодой человек, вы ошиблись адресом. Я не покупаю вещи. Я культурно отдыхаю, пью пиво. И я вас не знаю.

Карагач понимающе кивнул. Открываться незнакомцу станет либо последний глупец, либо человек, посаженный сюда в качестве приманки для глупцов. Человек в пенсне не походил ни на того, ни на другого. Карагач глотнул пива, вытер пену с верхней губы и наклонился ближе к собеседнику.

– Возможно, вы слышали об Иване Саввиче Красавине, знаменитом медвежатнике, – начал он.

– Возможно, – не стал отрицать Папаша.

– Например, историю как он работал в Камышине сейфы Волго-Камского банка.

– Что-то припоминаю.

– А не было ли в том рассказе таких подробностей, что он и его помощник вскрывали два сейфа одновременно. И помощник, некий брюнет из Ростова, вскрыл быстрее мастера.

– Такое не забывается.

– Этот брюнет перед вами.

Папаша немного расслабился и даже выдавил нечто похожее на улыбку.

– Время нынче тревожное, – пояснил он свою настороженность. – Приятно, когда вот так, через общих знакомых. Чем могу служить?

– Хотелось бы толкнуть одну вещь, а то я поиздержался.

Из внутреннего кармана пиджака Карагач вынул кольцо и положил его на стол, прикрывая от остального зала пивной кружкой. Папаша снял пенсне, достал из кармана лупу, чтобы рассмотреть предмет ближе.

К крупному продолговатому изумруду тела крепились камни поменьше, собранные в форме крыльев. Два сапфира были глазами, которыми эта переливающаяся бабочка смотрела на мир.

По правилам покупатель должен был изобразить скептицизм и сомнения в подлинности вещи, а оскорбленный продавец с жаром его разубеждать. После продолжительных торгов они должны были сойтись на приемлемой для обоих сумме, после чего разойтись, довольные сделкой. Но Папаша понимал, что сидящий перед ним человек не нуждался в дешевых представлениях, поэтому сразу перешел к делу.

– Вещь редкая, цены немалой, – признал он.

– Маменькина память, – пояснил Семен. – Никогда бы не продал, но деньги нужны.

– У меня таких денег нет.

– Но вы человек опытный и знаете, у кого такие деньги есть.

Папаша сделал неопределенный жест бровями.

– Сведите меня с этим человеком. Ваши труды не пропадут даром.

– Я поспрашиваю, может, кто и заинтересуется, – кивнул Папаша. – Заходите вечером.

Карагач кивнул и вернул перстень в карман.

Пока они с Папашей ностальгировали о прежних временах, а расторопный половой сгребал мокрые опилки и заменял их свежими, трое агентов угрозыска шли по Камергерскому переулку. Апрельский ветер, приятно освежавший первые пять минут, стал залезать под пальто, пиджаки и даже рубахи, пронизывая до костей.

– Надо было машину взять, Федор Петрович, – недовольно сказал Коля Евсеев. – Так мы задубеем.

– На машине карданный вал полетел. Мне водитель наш с утра плакался, – отозвался Шугарин. – Вообще доктора советуют гулять. Полезно, говорят, для здоровья.

– Не по такой же погоде, – поежился Костанжогло.

– Я слышал в управление новые «Фиаты 502» привезли. Черные такие, длинные, гладкие. Шины как у них поют – музыка! Вот бы нам бы такой, Федор Петрович, – частил Евсеев. – Очень было бы полезно для здоровья. А то как на задержание едешь, молишься всю дорогу, чтоб на этом корыте мотор не заглох.

– Молиться сотруднику угрозыска по должности не положено. Так что ты это прекращай, Коля. Вот возьмем Белецкого, тогда будет с чем к начальству идти. Пока нам новую машину давать не за что, – отрезал Шугарин. – Ты мне вот что лучше скажи, зачем, по-твоему, Семен взял кольцо?

– Он знает, чье оно.

– Это и так ясно, что сбежавшей дамочки, – сказал Костанжогло. – Она, поди, и на квартиру наводила.

– Это что же выходит, Карагач ее знает? – Шугарин остановился у тумбы, где висели афиши Художественного театра. Коля вопросительно посмотрел на начальника, тот махнул рукой, и Коля достал папиросы. Григорий позаимствовал одну, и они закурили, прикрываясь афишной тумбой от ветра.

– Я одного не понимаю, – продолжил Шугарин, – зачем ему от нас прятаться?

– Может он только играет раскаявшегося, а в душе как был бандитом, так и остался, – прохрипел Костанжогло.

– Документ у него настоящий. По описанию подходит. Я звонил начальнику Ростовского угрозыска, он все подтвердил, что Семен рассказал. Он ведь медвежатником был, а это аристократия воровская. – Шугарин посмотрел на Костанжогло. – Скажем, ты сейф вскрыть можешь?

– Я честный человек, мне это без надобности.

– Предположим в сейфе важные документы, а ключ честный человек, вроде тебя, потерял, – продолжал допытываться Шугарин. Григорий затыкнул папиросой и неопределенно

пожал плечами. – Тут грубой силой не обойтись. Знания инженерного дела нужны, да и по металлу работать надо уметь. А еще, бывает, шифры ломают. Это я себе даже представить не могу как.

– Вы так говорите, как будто он уникал, – усмехнулся Коля. – Обыкновенный уголовник. Только странный.

Шугарин оглядел его с ног до головы.

– Я, Коля, смотрю на твои ботинки и тоже думаю, что ты странный. Как может агент советского угрозыска носить такие штиблеты? Ноги-то поди мерзнут?

– Ничего вы в моде не понимаете, Федор Петрович. – Коля залюбовался своими ботинками. – Это же «шимми», самый шик.

– Где ты, простой опер, берешь такие дефицитные вещи? – поинтересовался Костанжогло.

– Тебе какая разница? Ты же все равно не наденешь.

– Почему это?

Коля с сожалением оглядел кожаную куртку, галифе и стоптанные ботинки Костанжогло.

– Видишь ли, Гриша, в искусстве есть такое понятие как «образ», – начал Евсеев тоном заправского лектора. – Так вот, только благодаря мандату и нагану люди воспринимают тебя серьезно. Если тебе дать модные ботинки, пальто и шляпу, тебя же никто бояться не будет.

– Мне не надо, чтобы меня боялись. Мне уважение нужно, – насупился Костанжогло.

– Так с нашим контингентом этот одно и то же. Если бояться, значит, уважают. Ведь так, Федор Петрович?

Коля ожидал поддержки, но мысли Шугарина были далеко.

– Как хоть оно выглядело, это кольцо? – спросил он.

Костанжогло достал листок бумаги и протянул Шугарину. Тот развернул и увидел крупный карандашный набросок перстня в форме бабочки.

– Когда это ты успел? – удивился Коля.

– Пока ты ботинки свои модные шнуровал.

– Красивое какое, – оценил Шугарин. – Надо показать это ювелирам, может, опознает кто. Он еще раз внимательно посмотрел на рисунок, где прорисованные тени и блики придавали камням объем. – Как только всех бандитов переловим, ты, Григорий, пойдешь учиться на художника.

– Да какой там художник, – махнул рукой Костанжогло. – Я в Питере чертежником работал у одного архитектора. У него и нахватался.

Всего в сегодняшнем списке значились восемь ювелирных магазинов, которые им предстояло обойти. Костанжогло предложил разделить и взял на себя три самых дальних. Шугарин одобрил предложение, и они разошлись.

В первом магазине, куда зашли Шугарин с Евсеевым, приказчик сначала нахмурился, видя неказистых покупателей, но при виде удостоверений рассыпался в любезностях. К сожалению, подобного кольца он не видел. Двое его коллег в других заведениях также ничем не смогли помочь.

И лишь в четвертом магазине седовласый продавец опознал рисунок.

– Это перстень княгини Юсуповой из гарнитура под названием «Махаон». К нему еще серьги полагаются, – рассказал он. – Делал его покойный ювелир Карл Густавович Энгер.

– И где теперь та княгиня? – поинтересовался Шугарин.

– Говорили, что она уехала за границу.

– Тогда как перстень мог попасть к преступникам? – спросил Евсеев.

– Я могу только предполагать, – развел руками продавец. – Обычно люди не продают фамильные драгоценности. Разве что им нужны деньги.

– Кому они нынче не нужны? – вздохнул Шугарин. – Вещь, как я понимаю, дорогая. Если бы грабитель захотел продать ее, к кому бы он обратился?

– Совершенно точно не в приличный магазин, – решительно ответил продавец. – Мы всегда отслеживаем историю вещи, иногда даже знакомим продавца и покупателя, чтобы подтвердить законность сделки.

– И в других магазинах также делают?

– За всеми не уследишь, – признался продавец. – Но вообще-то мир у нас маленький. Все всех знают. – Приказчик вернул рисунок Шугарину. – Нужного вам человека ищите среди барыг, скупщиков краденого. Эти люди вопросов не задают.

Немолодой человек в длинном темном пальто неторопливо шел по Мясницкой улице. Строго говоря, новые власти именовали ее Первомайской, да только называли ее так лишь вагоновожатые трамвая, который по ней ходил и то исключительно по служебной необходимости.

В руках немолодого человека была трость, придававшая ему солидность и респектабельность. Уверенный взгляд с оттенком превосходства вызывал в памяти образы деловых людей, издавна облюбовавших этот район Москвы для своих контор. Похоже, что новая власть нуждалась в них не меньше старой. Иначе зачем бы она объявила новую экономическую политику, дав возможность заработать человеку с умом, связями и капиталом.

Человек с тростью свернул в Большой Златоустинский переулок и несколько замедлил ход. Проверив, не следит ли кто за ним, он свернул направо в переулок, который новые москвичи называли Лучниковым, а старые Георгиевским. Пройдя несколько зданий, оглядевшись и убедившись, что никого подозрительного рядом нет, он нырнул в арку.

Москва известна тем, что если вы ходите только по широким улицам, то можете никогда не узнать о той бурной жизни, что кипит в лабиринтах проходных дворов. Это были те самые дворы, через которые революционеры бегали от жандармов и агентов охранного отделения. Теперь они стали местом встречи людей, не жаловавших власть революционеров. Названия режимов меняются, проблемы с законом остаются.

Человек с тростью замедлил ход и, увидев худую фигуру в сером у стены, направился к ней.

– С ювелиром нехорошо получилось, – сказал человек с тростью вместо приветствия.

– Вы, Папаша, меня позвали, чтобы лекцию прочитать? – огрызнулась фигура. – Не тратьте время. Я свое отучился. Сам лекции читать могу.

– Не горячитесь, господин Белецкий, я не хотел вас обидеть. Я всего лишь объясняю вам, как человеку приезжому и не знакомому с тонкостями местного бизнеса, что у нас принято отнимать деньги, а не жизнь. Это гораздо более выгодное предприятие, поскольку деньги можно отнимать много раз, а жизнь только один.

Тонкие губы Белецкого исказила презрительная усмешка, но он промолчал.

– Ко мне сегодня человек приходил, – продолжил Папаша. – Кольцо показал на продажу. Общих знакомых назвал, так что человек не случайный.

– И почему он мне должен быть интересен?

– Колечко это из гарнитура «Махаон» княгини Юсуповой, что было среди других драгоценностей в польском саквояже.

Глаза его собеседника лихорадочно забегали, он жадно сглотнул, но тут же взял себя в руки и, чтобы изобразить равнодушие, зевнул, прикрыв рот тонкими пальцами.

– С чего вы взяли, что оно то самое? – нарочито равнодушно спросил Белецкий.

– Вы, молодой человек, напрасно искусством не интересуетесь. При случае зайдите в галерею Третьякова. Там на первом этаже выставка дореволюционных русских художников. Третьим справа висит портрет княгини Юсуповой. Так вот перстень этот у нее на пальце. Ошибиться невозможно. Еще и серьги в ушах с такими же камнями.

- Как выглядел тот брюнет? – спросил Белецкий.
- Среднего роста, плечистый, глаза ясные. Похоже, что недавно с юга: слишком загорелый для наших краев. Говорит медвежатником был, с Ваней Красавчиком работал.
- Шрам на шее у него, – Белецкий показал на свой воротник. – Угадал?
- Шрама не видел. Шею он шарфом замотал.
- Это Сеня Карагач. Я ему тот шрам оставил. – Белецкий стал шарить по карманам. – Где же она?
- Что вы ищете?
- Фотография у меня была. Вместе снимались в Ялте в шестнадцатом году. Он тогда резвый был, молодой, нахальный. Сейфы открывал на спор. А потом влюбился, завязал. Такой талант профукал. – Белецкий прошелся по всем карманам. – Куда же я ее положил?
- Погодите, вы что же, эту фотографию с собой носите? Чтобы вас по ней опознали? – Папаша всплеснул руками.
- Белецкий его не слышал. Лицо его покраснелось, глаза лихорадочно блестели, голос вибрировал.
- Я чем больше о том саквояже думаю, тем больше вижу, что это Карагача работа. Увидел большой куш, не выдержал соблазна. Вся его завязка тут же прошла. Узнаю темпераментного Сеню. Встречу назначайте на сегодня.
- Сколько у вас человек? – спросил Папаша.
- Трое. На одного хватит.
- А если он не один придет?
- Карагач не любит компании. Он всегда в одиночку работал.
- И, тем не менее, надо бы соломки подстелить. Я вам еще трех молодцев пришлю. Умом небогаты, но стреляют отменно.
- Договорились. Скажете ему, пусть приходит к девяти на Винякинские склады.

ГЛАВА 9

В комнате на Петровке было тихо. Толстые двери отсекали кухонные склоки и бурную жизнь коридора. Мебели было немного, в основном, шкафы с книгами. У стены стояла железная кровать, заправленная по-солдатски одеялом под матрас.

В центре за круглым столом сидели Ольга и Семен. Свисающая с потолка лампа с абажуром разливала неяркий свет, смягчая жесткость лиц и неловкость молчания.

– Давно тут живешь? – спросил Карагач.

– Два года, – ответила Ольга. – Комнату мне от больницы дали. Даже телефон есть.

– Работа тяжелая?

– После военного госпиталя гражданский? – Она улыбнулась. – Почти курорт.

Карагач оглядел комнату и не нашел в ней следов пребывания другого человека.

– По-прежнему одна? Ты извини, что я так прямо спрашиваю.

– Работы много. – Она отвела глаза.

Семен окинул стройную фигуру с тонкой талией, стянутой солдатским ремнем.

– Ты красивая женщина.

– Лида была красивая. Я умная.

На лице Карагача промелькнуло слабое подобие улыбки. Он встал из-за стола и подошел к комоду, на котором стояла фотография двух девушек в гимназической форме и шляпках. Они старались казаться серьезными, но глаза обеих смеялись.

Та, что повыше ростом, несомненно, была Ольга, но так непохожая на ту, что сидела за столом. Ушли длинные кудри, мечтательность и восторженное ожидание жизни, полной захватывающих событий. Осталась короткая стрижка, пронизательный взгляд и спокойная уверенность в себе.

Лида, в отличие от сестры, выглядела не девочкой, но рассудительной маленькой женщиной. Она сложила руки перед собой и уверенно смотрела в камеру. Она была из тех, кто с первых и до последних дней живет правильно. Из тех, с кем никогда ничего плохого не может случиться.

Пальцы Карагача нежно гладили деревянную рамку фотографии.

– У тебя есть кто-нибудь? – спросила Ольга.

– Работы много.

– Уже пять лет прошло.

– Разве? – Он поставил фотографию обратно на комод.

– Еще чаю налить? – спросила Ольга.

– Нет, мне пора. У меня к тебе просьба. – Карагач вынул из кармана кольцо и лист бумаги и положил их перед Ольгой. – Если завтра утром я не зайду, это кольцо и записку отнеси, пожалуйста, в угрозыск Федору Петровичу Шугарину. Тому, что лампу тебе в борделе держал.

Ольга, не отрываясь, смотрела на кольцо в форме бабочки.

– Давно не видела такой красоты. – Голос ее звучал хрипло. Она взяла чайник, добавила себе воды и сделала глоток.

– Это с ограбления на Мясницкой, – пояснил он.

– Грабителей уже задержали?

– Не всех, – уклончиво ответил Семен.

Он направился к двери комнаты. Ольга последовала за ним.

– Там, куда ты идешь, опасно? – спросила она.

– Не то, чтобы курорт.

– Можно мне с тобой?

– Это не женское дело, – отрезал он и взялся за ручку двери. Ольга положила свою руку сверху, останавливая его.

– Я врач, – сказала она жестко. – Я столько крови видела, что тебе и не снилось. И стрелять я умею.

– Я не то хотел сказать. И не так резко.

Семен взял ее руку в свою и нежно погладил ее, согревая своим теплом, как будто пытался растопить морозный холод, заполнивший эту женщину.

– У меня с этими людьми свои счеты. – Он посмотрел ей в глаза. – Никого другого впускать не хочу.

– Будь осторожен, – тихо сказала она. – У меня из близких почти никого не осталось. Не хочу еще и тебя хоронить.

– Ты даже не представляешь, как я не хочу себя хоронить, – улыбнулся Карагач. – Не могу обещать, что приду завтра, но обещаю, что все для этого сделаю.

Он поцеловал ее руку и вышел.

В начале Петровки ему удалось поймать спешившего мимо извозчика, который за четверть часа довез его до нужного места. Карагач вышел из пролетки, расплатился.

– Прикажете подождать? – спросил извозчик, ерзая на козлах. – Место нелюдное. Мало ли что.

– Езжай, любезный, ждать не надо, – отпустил его Карагач.

– Ну, смотрите, дело хозяйское. – Мужик неодобрительно покосился, стегнул лошадь и через минуту исчез в темноте.

Длинное приплюснутое здание одиноко стояло на пустыре. Вдали в вечерней полумгле виднелись очертания деревянных домов. В окнах было темно: люди в этой части города ложились спать рано. Жечь свечи считалось баловством. Электричество сюда еще не провели.

Карагач переложил револьвер из кобуры в карман и подошел к складу. У входа стояли две тележки. Он аккуратно обошел их, стараясь не задеть. В щели между дверью и косяком виднелась тонкая полоска света.

Он прислушался. Внутри было тихо.

Немного подождав, Карагач аккуратно открыл дверь и вошел внутрь. Одинокая лампочка освещала сложенные штабелями мешки, ящики и ровные проходы между ними.

Карагач достал револьвер и начал медленно продвигаться вдоль ряда. Он дошел почти до середины, когда внезапно кто-то высунулся из-за ящиков и ударил его сверху по руке, выбив оружие на землю. Из-за мешков выбежали еще двое и набросились на него.

Карагач пяткой ударил одного по колену, тот охнул и ослабил хватку. Освободив руку, Семен впечатал свой кулак в лицо второго. Сзади слышались торопливые шаги.

Карагач обернулся и увидел в двери еще три силуэта. Он нырнул вниз, подхватил свой револьвер с пола и прицелился в одинокую лампочку.

Брызнули осколки, и навалилась темнота.

* * *

Федор Шугарин подошел к лестнице, ведущей на второй этаж. Он придирчиво оглядел себя в чудом уцелевшем зеркале, застегнул пуговицу воротника, одернул пиджак. Ботинки, собравшие уличную пыль, были единственной деталью, вызвавшей его неудовольствие.

Шугарин достал из кармана газету, оторвал клоч, смял, плюнул и начистил обувь. Удовлетворенно кивнув, он вложил ставший грязным клоч обратно в газету и сунул в карман.

– Нужна ваша помощь, – негромко сказал он, глядя в зеркало. – Обстоятельства сложились так, что мне нужна ваша помощь. Нет, не мне, а нам. Нам нужна ваша помощь. Да, лучше так.

Он снова одернул пиджак и стал подниматься по лестнице. Через пару минут он сидел на том же стуле, что и Карагач, и чувствовал себя также неловко в присутствии Ольги.

- Мне нужна ваша помощь, – начал он. – В том смысле, что нам нужна. Всем нужна.
- Слушаю вас, – ответила она. – Чаю хотите?
- Я к вам по делу. Не хочу затруднять.
- Вы меня ничуть не затрудняете.

Она добавила воды из кувшина в жестяной чайник и поставила его на керосиновую плиту. Вернувшись за стол, она поставила блюдо с нарезанными ломтями кекса, который принес Карагач.

- Неудобно получается, – стушевался Шугарин. – Гостю полагается с гостинцем приходить, а я с пустыми руками.
- Это от прошлого гостя осталось. Семен принес.
- Карагач? – Шугарин насторожился. – Он что, заходил к вам?
- Да, с полчаса назад.
- Зачем?
- Привычка ходить в гости друг к другу осталась у нас еще со старых времен.

Она заварила чай в изящном фарфоровом чайнике с буколической пастушкой, который резко контрастировал со спартанской обстановкой комнаты. Затем разлила его в две чашки и одну из них поставила перед Шугариным.

- Благодарствуйте. – Шугарин осторожно взял чашку. – Вы Семена давно знаете?
- Несколько лет.
- Как вы познакомились?
- Лида нас познакомила, моя сестра.
- Та самая, что его из банды вытащила?
- Вы знаете его историю? Он не часто ее рассказывает. – Она встала и принесла фотографию с комода. – Это мы в тринадцатом году снимались, еще до войны.

Шугарин взял фотографию и долго рассматривал ее.

- Какие у вас тут кудри длинные. – Он провел пальцем по волосам на снимке. – Очень красиво. Вы извините за прямоту, стрижка это у вас по идейным соображениям? В том смысле, что свободная женщина, без всяких этих буржуазных условностей, или после болезни?

– После тифа, – подтвердила она его догадливость. – Тогда всех брили. Потом я решила, что с короткими волосами удобнее.

- Значит, вас вылечили. Повезло, – вздохнул Шугарин. – А у меня и жена Настя, и дочка Любушка сгорели как свечки. – Шугарин поставил фотографию на стол и вернулся к чашке. – Крепкий какой чай у вас, это я люблю.

– Я тоже люблю крепкий.

Ольга пододвинула ему вазочку с вареньем. Рассказала, что это подарок соседки, у которой сестра живет под Москвой. У нее свой сад с яблоками, грушами, сливами, вишней. Летом вся родня собирается к ней помогать собирать ягоды и варить варенье. После чего разъезжаются по домам с банками, чтобы съесть их зимой и через год собраться снова. Они варили варенье при царе, теперь варят при большевиках. Если придет новая власть, так и при ней тоже варить будут. Надо же куда-то яблоки девать.

- Как, по-вашему, Семен хороший человек? – спросил Шугарин, глядя Ольге в глаза.
- Что вы вкладываете в понятие «хороший»? – Она отставила чашку.
- Разве это не для всех одинаково?
- Я тоже раньше так думала. Когда гимназисткой с идеалами была. Все либо черное, либо белое. Все полутона считала трусостью. Отец надо мной смеялся. Он за свою врачебную жизнь много такого видел, что нельзя отнести либо к одной, либо к другой категории. Сейчас я его очень хорошо понимаю.
- Где ваш отец теперь?
- В Ростове. Городской больницей заведует. Он хороший доктор.

– А человек он хороший?

– Очень.

– Такой же хороший, как Семен?

Пока Ольга обдумывала ответ на вопрос Шугарина, она поправила каждую вещь на столе.

– Если вы меня спросите, идет ли Семен всегда прямым и честным путем? Я не уверена. Доверю ли я ему свою жизнь? – Она посмотрела в глаза Шугарину. – Без сомнений.

– Тогда я спрошу так: пойдет ли он против закона, чтобы помочь преступнику? – задал Шугарин вопрос, который давно его мучил.

– Кто-то из его бывших... коллег? – спросила Ольга, и он кивнул. – Это сложнее. Семен ненавидит предательство. Не знаю, что вам сказать.

Шугарин сцепил пальцы. Он тщательно подбирал слова, чтобы не разорвать ту хрупкую нить доверия, которая протянулась между ними.

– Понимаете, своими действиями он поставил нас в трудное положение. С одной стороны, наверняка он не единственный, кто может опознать Белецкого...

– Белецкого?! – вскрикнула Ольга. – Он в Москве? Его видели?

Шугарин отшатнулся в изумлении:

– Вы знаете Белецкого? Откуда?

– Его банда ограбила поезд, в котором ехала моя сестра. Ее застрелили. Ее и ребенка, которого она носила.

– Вот оно что, – протянул Шугарин, не отрываясь от сверкающих Ольгиных глаз, прекрасных в гневе. – Я так понимаю, помогать Белецкому он не будет.

Ольга горько усмехнулась и покачала головой. Она прошлась по комнате. Руки ее искали дела. Она вернула фотографию со стола на комод, поправила одеяло на кровати, проверила, не вытекает ли керосин из плиты. Шугарин терпеливо ждал, пока она вернется за стол.

– Когда Семен узнал, что Лида погибла, он места себе не находил. Я одно время даже следила за ним, боялась, что он руки на себя наложит. Потом он как-то вдруг успокоился. Пошел в милицию работать, опросил всех выживших после ограбления поезда, нашел украденные вещи, проследил, от кого они получены. Так шаг за шагом он вышел на Белецкого. – Ольга пристально посмотрела на Шугарина. – Я уверена, что Семен приехал не опознавать Белецкого, а пристрелить его как бешеную собаку.

Шугарин слушал ее внимательно, кивая каждой фразе, как если бы она подтверждала его собственные мысли.

– Это я понимаю, – сказал он. – Я одного взять в толк не могу. Кольцо он для чего взял?

Ольга достала из верхнего ящика комода оставленный Семеном перстень и положила его на стол перед Шугариным.

– Он сказал, что если не вернется утром, то отнести его вам вместе с запиской. – Она протянула Шугарину сложенный листок. Тот развернул его и быстро пробежал глазами.

– Телефон у вас есть? – спросил он хриплым от волнения голосом.

– В прихожей.

Шугарин вышел из комнаты и набрал номер:

– Барышня, дайте дежурного угрозыска. Дежурный? Шугарин у телефона. Немедленно вышлай группу на Винякинские склады. Я вас там встречу.

ГЛАВА 10

Прилично одетый мужчина в коверкотовом пальто и шапке-пирожке стоял рядом с Виктором Белецким неподалеку от входа на склад. Взгляд его злых умных глаз был приклеен к распахнутой двери, за которой ничего не было видно, зато хорошо были слышны выстрелы.

Звали прилично одетого мужчину Алексеем Терентьевым, но большинству друзей и знакомых, а также уголовному розыску, он был известен как Леша-Перебор. Размахивая пистолетом, он с жаром объяснял собеседнику:

– Он забился у дальней стены и бегаёт туда-сюда. Там ящики и тюки сложены как попало. Мы не можем его достать.

– Подождем. У него скоро патроны кончатся, – успокоил его Белецкий.

– Ага, а потом его дружки прибегут.

– Не прибегут. Карагач всегда один работает.

– Слушай, у меня две гранаты есть, – предложил Леша. – Давай я брошу их в угол и отпоем раба божия.

– Он мне нужен живым.

– На черта он тебе сдался, такой несговорчивый?

– Мне нужно узнать, где он кольцо взял, что Папаше показывал.

– Что за кольцо?

– Княгини Юсуповой.

Леша присвистнул:

– Это та, что цапки в саквояж собирала?

– Она самая.

– Что же ты раньше не сказал? – Леша передернул затвор. – Пойду, побеседую с гостем.

Он снял шапку-пирожок, аккуратно сложил ее и положил в карман. Пройдя вдоль стены к железной двери, он дождался паузы и юркнул внутрь.

Белецкий поежился, поднял воротник и направился в сторону пролетки, ждавшей неподалеку. Напуганная выстрелами лошадь часто переступала ногами. Извозчик всеми силами старался ее успокоить.

– Поедьте отсюда, барин, – сказал извозчик. – Не нравится мне. Добром это не кончится.

– Мне человек тот нужен.

– Так пусть Мишка ждет. У него лошадь глухая на одно ухо. Вон смотрите, как смирно стоит. – Извозчик указал на стоящую рядом повозку. И правда, лошадь воспринимала стрельбу равнодушно, а извозчик едва не спал на козлах. – Моя-то девочка нежная. Долго не выдержит.

– Чего же ты нежную на дело взял?

– Зато она у меня такая резвая что любо-дорого. Любой автомобиль в два счета обгонит. При вашей работе, когда быстро уходить надо, самое оно.

Белецкий сел в пролетку и скомандовал. – Отгони подальше, но так чтобы вход видно было.

Стрелки были надежно прикрыты мешками с песком, в которых застревали пули, выпущенные Карагачом. Согнувшись пополам, Леша-Перебор добрался до них и чиркнул зажигалкой, осветившей раздраженные лица. Их было трое против одного, загнанного в угол, тем не менее, он не давал им подойти.

– Ну что? – прошептал один из троих.

– Живым говорит, – ответил Леша.

– Говорить легко. Ты сделать попробуй, – отозвался второй.

– Давай пока я с ним калякаю, ты, – Леша ткнул стволом в первого, – по левому проходу иди. Ты, – он отметил второго, – по дальнему правому. Как дойдете, по команде начнете поливать, чтобы прижать к земле. А мы под это дело по центру рванем и возьмем его тепленького.

Леша потушил зажигалку. Коренастые фигуры, пригибаясь, расползлись по темноте и начали медленно двигаться в сторону цели.

– Эй, земляк! Мы поговорить хотели, а ты сразу за пушку хватаешься, – выкрикнул Леша.

– Слов не разберу, – крикнул в ответ Карагач. – Ты громче говори.

– Откуда колечко у тебя?

– Нашел.

– Место покажешь?

– Это место мое. Ищи себе другое.

– Не надо хамить уважаемым людям.

Карагач заметил тень, которая двигалась вдоль прохода, и услышал легкий шорох шагов из другого ряда.

– Обкладывают, гады, – буркнул он.

– Ты чего там бубнишь? – спросил Леша.

– Продолжаю хамить уважаемым людям.

– Так ты долго не протянешь.

Карагач посмотрел на три оставшихся патрона в револьвере.

– Это я и без тебя знаю, – тихо сказал он, вернул барабан на место и поправил фуражку стволом. – Я хочу тебе сказать на прощание, Семен, что ты идиот. Твое место в доме призрения для слабоумных. Но поскольку нет никого, кто бы тебя туда доставил, то помирать тебе придется здесь. Оркестра не будет.

Одно чувство наполняло его целиком – злость. Он злился не на Белецкого, который пришел с подельниками – было бы странно, если бы тот поступил иначе – и не на бандитов, которых подбирались все ближе.

Он был зол на себя. На свою самонадеянность, на жажду мести, которая затопила его разум, вытеснив холодный расчет. Он был уверен в своей правоте, в том, что сила на его стороне. План Карагача был прост: едва Белецкий подойдет на расстояние выстрела, он, Карагач, этот выстрел сделает. Что будет потом – пристрелят ли его подельники бандита или ему удастся уйти живым – было неважно.

Завтра утром сторож при обходе найдет его труп. Приедет милиция, сообщат в уголовный розыск. Шугарин приедет в морг, чтобы опознать тело. Он пожмет плечами, не понимая, зачем Карагач пошел поздно вечером на встречу с бандитами один.

Потом придет Ольга, принесет перстень и записку и расскажет его историю. Они поймут, что и зачем он сделал. Если бы он был жив, ему бы объяснили, что он глупец и геройство его пустоголовое. Может быть, даже записали бы выговор в личное дело. Но поскольку к тому времени он будет трупом, его положат в гроб и отнесут на кладбище. Там скажут речь о товарище, который геройски погиб в борьбе с бандитизмом. Семен Карагач станет примером беззаветного служения общему делу.

Но все это будет потом, а сейчас в памяти возникло лицо покойной Лиды. Она смотрела на него строгим взглядом классной дамы. Когда они только начали встречаться втайне от ее семьи, он находил забавной ее непоколебимую уверенность учительницы, но потом она стала утомлять. Ему захотелось приключений.

Он пришел, чтобы попрощаться. Давние друзья звали его в круиз по Волге, где намеревались еще раз распотрошить пузатые сейфы Волго-Камского пароходства. Она выслушала, кивнула, пожелала доброго пути. Прощание оказалось быстрее и легче, чем он ожидал. Разу-

меется, он не ждал нервного припадка, слез, заламывания рук. Лида никогда не позволяла себе ничего подобного. Но все же ее равнодушное спокойствие неприятно поразило его.

– Вы же не собираетесь грабить банки? Или делать прочие подобные глупости? – спросила Лида, когда он оказался у двери.

У Семена был припасен ответ, похожий на правду: он с друзьями едет на воды. Однако он почему-то замешкался: слова лжи, которые обычно высказывали с легкостью пули по хорошо смазанному стволу, в этот раз встали колом в горле.

Ему было трудно лгать этой прекраснотушной девочке.

Когда он обернулся, то увидел, что от ее хладнокровия не осталось и следа. Она шумно дышала. Маленькие, почти детские ручки были сжаты в кулачки. Она подбежала к Семену и этими крошечными молоточками стала барабанить по его груди и кричать «вы не смеете, слышите, не смеете быть плохим человеком; я вас люблю, а те, кого я люблю, не могут быть плохими людьми». Он тогда не нашелся, что сказать, и лишь схватил ее кулачки и принялся целовать их.

Потом он пришел к ее отцу и попросил руки его младшей дочери. Доктор Фельтинский не собирался отдавать свою дочь первому встречному. Лида увела его в кабинет, откуда он вышел, полностью признав поражение. Это было давно, в прошлой жизни, в городе, где цвели акации и воздух можно было резать на куски, чтобы пить с ним чай.

Карагач еще раз проверил барабан. В нем по-прежнему было три пули. Он ждал, пока приятели Белецкого подойдут ближе, чтобы стрелять наверняка.

Внезапно дохнуло холодным воздухом: кто-то снаружи открыл дверь.

Карагач с надеждой подумал, что Белецкий сам решил прийти на встречу со старым знакомым. Как бы хорошо было две пули из трех послать ему, а последнюю можно и себе. Бандиты тоже повернули стволы, ожидая появления новых действующих лиц, но проем был пуст.

Пауза затягивалась.

И вдруг в центральный проход въехала тележка, на которой сидела темная фигура, стреляя с двух рук. Бандиты рухнули на пол. Тележка промчалась вперед и врезалась в кучу мешков рядом с той, за которой укрылся Карагач. Темная фигура прыгнула на пол и зацепила плечом ящик, который упал на нее.

– Ах ты, незадача какая, – потирая ушибленный бок, сказала фигура голосом Шугарина.

– Федор, неужели я слышу ваш голос? – радостно выпалил Карагач.

– Если вы, Семен, в таком шуме что-то слышите, то да.

Осознав, что прибывший пришел на помощь Карагачу, бандиты открыли огонь. Тот, что шел по дальнему проходу видел перед собой Шугарина как на ладони, и уже прицелился, когда Карагач выскочил из своего укрытия и всадил в него две пули. Шугарин успел скрыться за мешками.

– Куда ты лезешь прямо под стволы? – рявкнул Карагач сидящему рядом Шугарину. – Ничего, что я на ты?

– Я думаю уже можно.

– Чего ты сюда вообще пришел?

– Гостинцев принес. – Федор протянул Семену горсть патронов.

– Федор, я тебя люблю, как никого на свете! – Семен жадно схватил патроны и начал набивать барабан. – Как ты меня нашел? – спросил Карагач, перезаряжая второй револьвер.

– Зашел к доктору чаю попить.

– Кольцо она тебе отдала?

– Да. Ты его зачем взял?

– Длинная история. Если меня не будет...

– Ты куда-то собираешься?

– Ты видишь, сколько людей хочет отправить меня в последний путь?! – Карагач махнул рукой с револьвером в сторону стрелков.

– Тут темно. Я не успел посчитать. Чего они от тебя хотят?

– Польский саквояж они хотят.

– Скажи, пожалуйста, – покачал головой Шугарин, прицеливаясь в тень у окна. За выстрелом последовал крик боли. – И что, хорошая вещь этот саквояж?

Семен выстрелил несколько раз в штабель ящиков, выбил нижний, остальные рассыпались и преградили путь нападавшим. Бандиты откатились к входу.

– Пока они там думают, как нас по-другому убить, я тебе историю расскажу, Федор. Был такой ювелир по фамилии Шубников. Он держал магазин «Пале-Рояль» на Кузнецком. Когда немцы вошли в Варшаву в пятнадцатом году, богатые поляки рванули в Москву. Привезли с собой камешки и продавали их Шубникову. Если вещь стоящая была, он цену хорошую давал. Купленные вещи в саквояж складывал, а потом состоятельным людям в Москве перепродавал. Себя не обижал, конечно. Когда после революции арестованного царя с семейством в Сибирь отвезли, начали собирать драгоценности на подкуп конвоиров. Шубников отдал все, что у него оставалось в польском саквояже. Так вот в восемнадцатом году, прямо накануне отправки в Екатеринбург, ювелира пристрелили, а саквояж похитили.

Шугарин внимательно слушал.

– Правильно ли я понимаю, – сказал он, всматриваясь в темноту, – что семь лет об этом саквояже не было ни слуху ни духу, а теперь он всплыл.

– За два дня до смерти Шубников сделал список драгоценностей, которые хранились в том саквояже. Одну копию он отдал княгине Юсуповой, которая занималась сбором драгоценностей. Вторую сохранил у себя. Ее нашли в сейфе после его смерти. Я этот список хорошо помню. Когда я увидел изумрудное кольцо с бабочкой, то сразу понял, что оно из саквояжа. Значит, и сама сумочка где-то неподалеку. На нее можно ловить Белецкого, как на крючок.

– И тогда ты пошел к скупщику, показал ему кольцо, зная, что слухи дойдут до Белецкого, и он начнет искать тебя.

– Примерно так.

Шугарин посмотрел на Карагача взглядом, в котором явно читалось сожаление. – Ты, Семен, человек храбрый, но не умный

– Ты, Федор, меня обидеть хочешь?

– Я тебя уже обидел, больше не хочу. Решил быть приманкой – будь, но почему ты мне не сказал? Сейчас твоя история выглядит так: червяк пошел на рыбалку. Ни удочки, ни того, кто ее будет тянуть.

– Когда ты так говоришь, я выгляжу идиотом.

– Я специально не стараюсь, оно само получается.

Внезапно ливень огня со всех сторон обрушился на их шаткое укрепление. Пули чиркали по стене, не давая высунуть головы. Они ложились все ближе и кучнее. Нападавшие были совсем рядом. И вдруг снаружи долетел крик:

– Валим!

Белецкий первым услышал шум моторов подъезжающих машин и скомандовал отход. Резвые пролетки подхватили бандитов и унесли их в темноту ночи.

Коля Евсеев и Григорий Костанжогло помчались вслед за бандитами на машине, но уже через несколько минут вернулись. В полной мгле, которая окутывала окраину города, преследование было бесполезным.

– Когда уже фонари поставят? – возмущался Коля, вылезая из машины.

– В сентябре обещают в центре сделать, – ответил Костанжогло.

– Так это в центре. Сюда когда еще доберутся.

Из лабиринта склада к входу подошли Шугарин и Карагач. Луч фонаря в руках Костанжогло скользнул по их помятой одежде, собравшей на себя тонны складской пыли.

– Федор Петрович, что случилось? – спросил Григорий.

– Мы с Семеном перешли на ты.

ГЛАВА 11

Виктор Белецкий любил произносить пространные речи о том, что удача – дама капризная и выбирает людей особенных, к коим он относил, в первую очередь, себя. То, что мир вокруг не признавал избранности Белецкого, видя в нем лишь непутевого сына мелкого лавочника, он считал поломкой в устройстве мира.

Когда Виктор решил пойти по стопам отца, тот, на радостях, подмазал кому нужно, чтобы закрыли глаза на слабый аттестат, и оплатил учебу в коммерческом училище. Наивный папаша думал, что сын будет приумножать отцовское добро, собирая прибыль по гривеннику. Сын считал такой подход уделом неудачников. Только большой куш, иначе нет смысла выходить из дома.

На втором курсе подвернулась возможность удачной сделки. Так Белецкий считал до тех пор, пока его не потащили на третейский суд. Виктору казалось это смешным. Первое правило торговли: не обманешь – не продашь, как дал слово, так и взял его назад. Разве не все так поступают?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.